

Графоман

Бронислава Бродская

Бронислава Бродская

Графоман

«Автор»

2015

Бродская Б.

Графоман / Б. Бродская — «Автор», 2015

Это роман о трудностях взросления, о сложных решениях, которые определяют судьбу, о мужской дружбе со всем ее романтическим пафосом и противоречиями, соперничеством и искренней привязанностью, предательством и прощением, подлостью и благородством. Главный герой пишет романы, которые читает только его друг. Не писать герой не может, потому что мелькнувшие эпизоды каждого дня преобразуются в его голове в сюжеты, а встреченные люди в персонажей. Он графоман, бесталанный писака, выливающий на бумагу свою комплексы, или настоящий писатель, которому обязательно предстоит написать свою главную книгу? Содержит нецензурную брань.

© Бродская Б., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Графоман	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Графоман

**Мгновение осознания своей
бесталанности есть вспышка гениальности.**

Станислав Лец.

Гриша знал, что на улице тепло. Был конец мая, самая приятная на свете погода. Когда-то они пели 'Погода шепчет: бери расчет...', и что-то там еще про Сочи. Грише хотелось выйти на улицу, пройти к стоянке и ехать домой, но как раз этого было нельзя. Он сидел на заседании кафедры, в небольшом помещении с наглухо закрытыми современными окнами. Ну да, он был вечным приглашенным, 'визитинг' профессором, заменяя любого уехавшего в долгий творческий отпуск коллегу. Сначала, когда он только нашел эту работу, он был невероятно рад и горд за себя, считал, что ему повезло, и что со временем его возьмут в штат. Прошло 10 лет. Грише было за пятьдесят и он давно прекрасно понимал, что в штат его не возьмут, об этом нечего и думать. Он затыкал собой любые дыры, мог преподавать, все, что угодно, начиная с элементарного французского студентам-первокурсникам и кончая специальными семинарами для аспирантов. Пару раз он даже преподавал семинары студентам русского отделения, вынужденный по большей части говорить по-английски о горбачевской перестройке в культуре. Он пытался что-то сказать и по-русски, но это приводило только к необходимости себя переводить. В классе сидели семь странных ребят, побывавших в России, и надеющихся видимо постичь загадочную русскую душу, в существование которой и сам Гриша верил с трудом.

Университет заключал с ним контракт каждый год, и доктор Григорий Клибман был всем очень удобен, на подхвате, ни на что не претендующий, послушно уступающий свои классы и курсы другим. Гриша сначала переживал свое подвешенное состояние, но потом привык и даже находил в свободе некоторые для себя преимущества. Он, как и все, иногда публиковался, выступал на разных панелях, рецензировал диссертации. Выступать было не слишком трудно, читать работы тоже, а вот публиковал он только, если было что, если хотелось и было настроение послать статью в журнал. Хотелось этого ему все меньше и меньше, и для Гриши было просто замечательно не иметь перед кафедрой, или как здесь говорили 'департаментом', никаких обязательств. Хочу – буду, не хочу – не буду. Ну их всех к черту с их околонучной возней.

А насчет преподавания, то Грише было даже проще просто преподавать язык, пусть на любом уровне, хоть грамматику, хоть фонетику. Семинары требовали больше времени на подготовку и ему надоело по полтора часа 'тащить за собой' студентов-'французов', которые иногда даже с трудом понимали 'интегральные тексты'. Болтать умели, а читать – нет. Гриша их за это презирал, но тщательно свое презрение скрывал. На занятиях он задавал умные вопросы, требующие чисто гуманитарной способности к интерпретации кристально понятного всем текста, но студенты преданно смотрели на него собачьими, все понимающими глазами и стыдливо молчали, и тогда Гриша с большим или меньшим энтузиазмом, испытывая смесь брезгливой жалости к 'убогим' с привычной тоской, отвечал на свои вопросы сам. Текст они понимали в общих чертах, 'кристального' понимания не было и в помине, а без этого литературный анализ был по определению невозможен. Когда-то давно Гриша возмущался, злился, даже разок в бешенстве покинул класс.

- А мы не понимаем – говорили ребята.
- Так поймите! Добейтесь! – бесился Гриша.
- А тут много слов, которые мы не знаем. – упорствовали студенты.

– Пользуйтесь словарем! Что значит вы не знаете слов?

Эти студенты жили во Франции, общались с французами. Они были глубоко уверены, что у них богатый словарный запас, и 'заумные' слова и знать-то не надо. Тут не привыкли себя так уж напрягать ради сомнительной пользы. Гриша это понял и давно сдался. От семинаров по литературе по любому периоду он не отказывался, но заранее знал, что в классе к нему опять придут раздражение и презрение и ленивым бездельникам, которые были даже не в состоянии понять суть его претензий. Если надо было прибегнуть к словарю, слово впечатывалось в специальное окошко и компьютер переводил. Какой уж там был перевод ... Многие студенты писали зачетные эссе по-английски, потом компьютер переводил текст на французский. Гриша сначала пытался читать абракадабру, потом просто просматривал, стараясь просто уловить смысл, не обращая никакого внимания на язык. Что проку было говорить студентам, что так нельзя. На уровне 3-го года обучения они все языком владели плохо. Сражаться с ветряными мельницами? Дон Кихот не был Гришиным любимым литературным героем.

Гриша давно уже не думал о тяготах своей преподавательской жизни. Ему было плюсом минус наплевать. Сейчас все преподаватели, человек тридцать, сидели за длинным столом, в торце которого восседал профессор Виктор Фернандес, специалист по испанскому средневековью, их теперешний зав кафедрой. Коллеги выступали, говорили подолгу, остальные что-то писали в блокнотах. Гриша видел, что собственно записей никто не вел, просто черкали в тетрадах от скуки, рисовали рожи, обводили какие-то орнаменты. С недавнего времени на кафедре было заведено делать презентации со слайдами. Выступающие передавали друг другу маленький компьютер, куда каждый вставлял свою флешку. Над столом висел проектор, последний выступающий забыл его выключить, и экран тускло светился голубым. Грише это жутко действовало на нервы. Что они проектор-то не выключили ... сказать, что ль ... нет, не стоит. Другие же тоже видят, но молчат. Он вообще не понимал, для чего коллеги использовали в выступлениях слайды. Не дай бог подумают, что ты не в ладу с современной технологией, то-есть устарел. Это была просто мода. На экране был написан текст, человек его зачитывал, как будто остальные не умели читать!

На исходе был уже второй час последнего заседания, где подводились итоги учебного года. Обычное выступление зав кафедрой: цифры ... названия публикаций ... проблемы ... задачи ... Потом директор аспирантуры бубнил про сроки подачи пропозелов, про новые требования к экзамену на степень магистра. Отчеты по предметам, обязательно, что прошло удачно, а что неудачно ... Господи, какая тоска. Какой дурак будет правдиво говорить о своих неудачах? Да и сознавали ли коллеги свои неудачи? Вряд ли. Они, как правило, были всегда собой довольны, русское самоедство тут у людей отсутствовало. Планы публикаций на следующий год, трое сдают в издательства книги ... статей ... сколько-то, монографий ... сколько-то. Гриша не мог сосредоточиться. В суть явно никто не вслушивался, людей интересовал только факт публикации. Изданная книга была предметом зависти. Ну вот, все встрепенулись, профессор Мартинелли ездил в Рим на вручение ему премии за последнюю книгу, а профессор Хестер была на специальной встрече в Дюнкерке в рамках празднования годовщины открытия второго фронта союзниками. Она специалистка по литературе о войне 'глазами очевидцев'. Гриша уважал этих профессоров, они оба публиковались в Европе. Из тридцати человек было трое-четверо, которые действительно чего-то стоили, остальные были обычным болтливым и завистливым американским 'фуфлом', при этом весьма довольным собой. Гриша спохватился: ну, что у него за манера всех судить и выдавать ярлыки! А они что о нем, русском подозрительном, думают? Да, насрать на них. Вот, вот, опять он в своем репертуаре ... Зачем так думать? Гриша знал, что 'незачем', но мыслей своих контролировать не умел. Что-то в последнее время ему слишком на многое 'насрать'. На коллег, на студентов, на преподавание ... А на что не насрать? Нет, правда, интересно, на что? На семью? На свои публикации?

Гриша опубликовал в прошлом году статью в заштатном 'Australian French Studies' об еврейх в оккупации 'Антижертвы террора'. Литературные персонажи четырех романов представляли не в привычной роли жертв, а в роли борцов. Три страницы ... Гриша был собой доволен, но кого еще, хотел бы он знать, интересовала эта тема. Все рвались публиковаться, университет всячески поощрял часто публиковавшихся преподавателей, нельзя было получить постоянную позицию без серьезного числа публикаций. И все это из-за коэффициента Хирша, индекса цитирования, так, ведь, в современном мире оценивается ученый. Сколько кто-то в публикациях процитировал твои статьи и книги? Гриша знал, что его коэффициент 'ноль'. Да насрать. Ага, опять 'насрать'. Он не был о себе высокого мнения как об ученом, даже, получив докторскую степень в Америке, гордый, что у него это вышло, он всегда при этом думал о себе как о 'профессоре кислых щей', не обманываясь насчет своего потенциала. Раньше надо было начинать научную карьеру. Впрочем, никаких особых сожалений о 'несбывшемся' у него не было. Ни французский язык, ни литературоведение, компаративное в том числе, его больше не интересовали. Сначала показалось, что в Америке он получил возможность заняться тем, чем ему хотелось заниматься в брежневской Москве, но сейчас ему стало очевидно, что все это 'не его'. На литературоведение было 'насрать' тоже.

В уши фоном лезла интеллигентная 'академическая' речь коллег, понимать ее было нетрудно, но слушать никого не хотелось. Гриша знал, что у него на лице застыло внимательное доброжелательное выражение, губы в нужных местах автоматически растягивались в улыбку, он вместе со всеми смотрел на экран, вместе со всеми хлопал. На столе стояли стаканы и бутылки с минеральной водой. Пить не хотелось, но в коридоре-предбаннике конференц-зала стояли подносы с выпечкой, фруктами, нарезанный сыр, ветчина и большие термосы с кофе. Рано утром всем пришлось вместе завтракать, так тут было принято. Гриша сроду на завтрак не ел никаких пончиков, а тут съел два. Люди вообще почему-то жадно ели, поглощали булки, наливали кофе, соки, хватали с подноса кусочки фруктов. 'Ой, как с голодного края ... , что это на всех находит? Халява – это святое'. Наблюдая людей, Гриша всегда внутренне улыбался, часто зло и саркастически, храня при этом 'покер-фейс'. Почему-то он был уверен, что и другие делают то же самое. Что там у них за этими добрыми светскими улыбками? Снова начинало хотеться есть. Вместо того, чтобы слушать тут всякую муть, он с удовольствием взял бы еще несколько кусочков колбасы или ветчины. Ему представились маленькие твердые виноградины, заливающие соком рот ... Впрочем, еду скорее всего, уже убрали и девчонки-официантки доедают сейчас оставшиеся кексы. Да, ладно. Пора домой. Когда уже конец этой бодяге? Еще наверное минут двадцать и ... здравствуй лето, за исключением шести недель 'летней школы', где Гриша согласился преподавать интенсивный курс французского второкурсникам. Неохота, но от денег он отказываться не привык. Перебьется, ерунда. Маруся будет рада лишним двум штукам. Там и готовиться не надо, только глупости их проверять. Грише стало себя немного жаль, хотя ... ничего.

Глаза его скользили по лицам. Фернандес кивает, все ерзают в креслах, видно, что люди устали. Сколько можно. Ага, наступает завершающая, наиболее неинтересная часть ... про деньги. Сколько заработали, сколько потратили, сколько выделено дополнительно, что сократили, какова будет финансовая политика ... Про деньги Грише было вообще до фени. На посещения конференции MLA выделяется ... ему-то что. Никуда ему ехать не надо. Налить себе разве что водички? Ой, открытой-то нет. Придется открывать, бутылки уже не холодные, вода запенится и выльется на стол. Ладно, не стоит. Барбара сняла под столом туфли, и в воздухе немного запахло потными ногами. Гриша еле заметно поморщился. Когда-то этого было для него достаточно, чтобы перестать встречаться с девушкой. Потная дурно пахнущая девушка всегда была для них неприемлема.

Гришины глаза автоматически фиксировали жесты сидящих за столом людей. Вот Флоранс закинула руки за голову и потянулась, грудь ее округло обрисовалась под белым свите-

ром. Ничего так у нее грудь, вполне. Евелина достала салфетку и приложила ее к носу. Раньше чуть шмыгающий нос его возбуждал, но ... Евелина. Нет, увольте. Натали машинально залезла левой рукой в вырез блузки и поправили бретельку лифчика. Ага, вполне приятный жест, хотя ... это тоже зависит от той, кто поправляет. Натали была 'ничего'. Хотя ... черт их знает, этих 'академических' теток. У Гриши таких не то, чтобы совсем никогда не было, но ... мало, статистически недостаточно, чтобы делать серьезные выводы. Вот сделать бы хорошую выборку и написать статью 'Индекс сексуальной референтности женщин гуманитарных профессий'. Да нет, данных кот наплакал. Он мог бы использовать данные Валерки ... у него их было скорее всего больше этих 'натали'. Валерка так любил умненьких гуманитарных девочек, всегда говорил, что они сто очков дадут 'технаркам'. Только с Валеркой можно было обо всем об этом порассуждать. Валерка бы врубился буквально сразу: гуманитарки – технарки, потом описания, конкретные случаи, сведенные в таблицы. Валера бы вывел формулу этой самой референтности. Они бы выпили, посмеялись только им одним понятному 'приколу', сочинению таких вот воображаемых статей-шуток, где все было, как по правде, смесь гуманитарной и технической абракадабры. Только с Валеркой можно было так интеллектуально развлекаться: научная мысль и нешуточная методология на каком-нибудь сильно эротическом до скабрёзности материале.

Гриша стал думать о Валере, мысли его совершенно переключились на прошлое. Он даже прослушал, что собрание закончилось. Все прощались, Гриша шутил, улыбался и всем желал 'удачного лета'. Как только он уселся в свою машину, улыбки немедленно стерлись с его лица, оно стало усталым и грустным, но контролировать свое выражение уже не было необходимости. Надо было ехать домой, где его сейчас никто не ждал. Маруся была на работе. Она работала на 'продленке' частной французской школы, делала с ребятами уроки. Преподавать ее так и не пустили. В этой школе учителями французского могли быть только носители языка. Да и ладно. Ни Гриша ни Маруся уже давно не мучались никакими амбициями.

Дома Гриша достал из холодильника вчерашний салат и немного съел прямо из коробки, запивая соком. Маруся бы сразу стала его стыдить, что он, дескать, ест, как свинья. А вот Валерка бы никогда ничего не сказал. Они часто так с ним ели: из одной сковородки или на куске газеты. Они друг другу многое разрешали, почти всё, хотя в этом 'почти' и было все дело. Гриша улегся на диван и прикрыл глаза. Хотелось спать, но он знал, что не заснет. Мысли о Валере не оставляли его, наоборот они оформлялись в строчки. Он писал о друге в своей голове, то-есть вспоминал о Валерке, не понимая, было ли все это с ними в действительности, или он сейчас по большей части придумывал мелькающие в мозгу эпизоды, рисовал их в своем воображении, сочинял диалоги. Сцена первая: два маленьких мальчика на площадке перед старой школой из желтого кирпича. Все строятся. Мальчики пришли в первый класс. Гриша уже мельком Валеру видит, не зная разумеется, что это Валера. Таких мальчиков много, они все похожи, но Валеру Гриша 'видит' лучше, чем других, хотя на нём такая же, как у всех, форма, и такой же ранец. Не отдавая себя в этом отчета, Гриша начинает вспоминать от первого лица. Он – герой, маленький мальчик с выбранным затылком и небольшим каштановым чубчиком:

Через калитку мы входим в заполненный толпой школьный двор. Голоса, сливающиеся в гомон, играет музыка. Мы в растерянности останавливаемся, не знаем куда идти дальше. Я жмусь к родителям. Мама держит в руках мой букет из георгинов, я отказываюсь его нести, и тем более дарить учительнице. Мне сильно не хочется этого делать, потому что мне кажется, что цветы таскают только девочки. Папа не пошел на работу и сейчас открывает свой фотоаппарат. Посередине двора дети начинают строиться в колонны. Мама показывает мне на молодую тетю, которая держит табличку '1– Б'. 'Вот твоя учительница. Иди, милый, вставай с ребятами. Держи цветы, держи, держи, не дури. Отдашь их потом

учительнице вместе со всеми.'. Мама наклоняется и собирается поцеловать меня в щеку. Я уклоняюсь и она тыкается губами мне в макушку. Идти к ребятам мне совсем не хочется и я продолжаю стоять рядом с родителями. Мама подталкивает меня в спину. Я иду, в руке в меня большой несуразный букет, а за спиной коричневый ранец. Мама хотела купить мне портфель, но я настоял на ранце. Как я был прав, уже встав в строй и оглядевшись, я увидел, что у ранцы были почти у всех мальчиков, а у девочек портфели. Хорошо бы я был, если бы маму послушал. Около нас встали взрослые ученики. Девочка-старшеклассница крепко взяла меня за руку. Я стою, как дурак, держась за ее руку, но вырваться не смею. Она нагибается ко мне, что-то спрашивает, вроде, как меня зовут и хочу ли я идти в школу. Вопросы меня раздражают, я вообще не хочу сейчас ни с кем разговаривать, но не отвечать ей я не могу. 'Гриша', – урюмо отвечаю я, оглядываясь на родителей, которых едва видно. Насчет 'хочу ли я школу', я отвечаю 'не знаю', понимая, что это глупо, но я действительно совершенно не уверен, хочу ли я в школу. Надо было сказать 'хочу, но боюсь'. Нет, это невозможно.

Немного впереди от нас стоит тот самый мальчик, который все время на меня оглядывается и заговорицки улыбается. Я вижу, что это он именно мне улыбается и даже делает мне какой-то знак, что дескать ... увидимся ... потом ... как будто он хочет мне что-то сказать, что сейчас не может. На крыльце взрослые что-то говорят в микрофон, я всё пропускаю мимо ушей. Снова заводят музыку, и мы заходим в школу. Я в последний раз оглядываюсь на родителей и вижу пристально смотрящих мне вслед маму и папу. Мама показывает мне пальцем на крыльцо, что мол, буду ждать тебя на этом месте, не бойся, а папа поднимает вверх кулак в приветствии 'рот-фронт', дескать 'все будет хорошо, прорвемся'.

Мы входим в школу, где неожиданно темно и прохладно. Потом долго поднимаемся по лестнице, почти прижавшись к стенке. Перед классом останавливаемся, старшеклассники куда-то деваются, я не вижу, куда и когда они ушли, только потом замечаю, что мы одни перед дверью класса, учительница запускает нас вовнутрь по-двое: мальчика и девочку, сказав занимать крайний ряд у окна. Я тоже вхожу, пару свою я не помню, зато вижу в углу два ведра с водой. Туда велели ставить наши букеты. Наконец-то я избавляюсь от цветов, и мне сразу делается легче. Я сажусь к самому окну, а девочка к проходу, она тоже хотела к окну, но я 'не дал'. У окна лучше. В углу большие счёты, они меня пугают. Насчет счёта у меня дурные предчувствия. Учительница уже стоит перед классом и я могу ее как следует рассмотреть. Молодое приятное лицо, одежду не замечаю, и если бы меня спросили, сколько ей лет, я бы ни за что не сказал. Молодая, моложе мамы. Маме тогда было 32 года, но для меня она уже не молодая. 'Меня зовут Тамара Николаевна' – громко говорит учительница. 'Кто ребята запомнил, как меня зовут' – обращается она к классу. Да что тут запоминать. Мы все бывшие детсадовцы сразу ее имя запоминаем. 'Тамара Николаевна' – слышится со всех мест. 'Нет, так не пойдёт. Нужно поднять руку ...' – улыбается она. Понятно, в детском саду тоже так было. 'Мой' мальчик сразу поднимает руку и чётко, ясно говорит: 'Вас зовут Тамара Николаевна'. Я же тоже знаю, как зовут учительницу, но руки не поднял. Не успел или постеснялся. Мы учимся вставать и садиться так, чтобы не хлопнула крышка парты. Интересное упражнение. Соревнуемся по рядам и наш ряд самый 'тихий'.

Гришин мысленный монолог внезапно прервался. Он перестал отождествлять себя сегодняшнего с тем маленьким мальчишкой-первоклассником. Голос учительницы замолчал в его голове. Как? Почему вдруг? Он не мог этого контролировать. Почти полвека прошло. Детали ускользают. Потом они что-то еще делали, и наступила перемена. Гриша узнал, что мальчика зовут Валера. А как это произошло?

Гриша видел стайки малышей в длинном школьном коридоре, никто никого не знает, хотя нет ... учительница, ведь, со всеми знакомилась. Надо было встать и назвать свое имя. Ребята вставали, но ни единого имени маленький Гриша не запомнил. Его только заботило, как

он свое имя назовет, вот сейчас скажет 'Клибман' и его спросят 'как ... как?' Так бывало часто. Но все прошло хорошо. Учительница не переспросила. Она сказала 'Спасибо, Гриша. Садись'.

В коридоре они подошли друг к другу ... и, а вот кто первым познакомился? Вроде он сам, желая 'застолбить' нового мальчика за собой, чтобы его другие не перехватили. 'Меня зовут Гриша, а тебя?' – вот что он сказал. Какие проблемы, он так много раз делал в детском саду, когда приходил кто-нибудь новенький. 'А я – Валера' – ответил мальчик и неожиданно протянул Грише руку. Красиво получилось, солидно, как у взрослых. Гриша почувствовал в своих руках маленькую твердую ладонь. Вокруг них стояли другие ребята, девочки держались все вместе. Маленькая десятиминутная, первая в их жизни, перемена закончилась, но они успели все самое важное друг о друге узнать. 'А где ты живешь ... а кто твой папа ... а где работает мама ... а тебя есть ... конструктор ... а бабушка ... брат ... сестра ... а ты был ... на море, а я – был ... а я футболом занимаюсь ... где ... а я ... , а я ... а ты музыкой занимаешься ... , а у вас машина есть ... ' – тут все опять построились и зашли в класс. Гриша уселся рядом со своей соседкой, имени которой он не помнил. Зато у него был друг, Валера ...

Гриша все помнил, ему было приятно прокручивать эти картинки в своей голове, но 'тем' пацаном он себя уже не чувствовал.

В тишине резко прозвучал телефонный звонок. Гриша поморщился. Звонок был слишком громким, хотя современных вкрадчивых сигналов мобильных, играющих классическую музыку, или нелепо кукарекующих, он тоже не любил. Надо же, легок на помине: звонил Валерка из Беркли:

– Привет, Валер, я как раз вспоминал, как мы с тобой познакомились ...

– Да? И как?

– А ты не помнишь?

– Ну, вообще-то помню. Просто у вас у писателей все в голове не совсем так, как было на самом деле. Я тебе что звоню-то ...

– А что, чтобы мне позвонить у тебя должен быть повод?

– Слушай, мы тут про шахматы говорили ... там все не так просто ... никто не знает, как они возникли, кто их придумал ...

– Валер, ты о чем?

– Я о двоичности мира, об единстве и противоположности чёрного и белого начала ...

Что ты тупишь? Забыл что-ли?

– Ага, я понял. И что?

– Я хотел тебя, Гришка, спросить: ты белый или чёрный? Я-то знаю, но мне интересно, как ты сам себя видишь.

Гриша с полуслова понял, о чем Валерка хотел с ним поговорить. У них как-то никогда не шло банальное 'как дела?'. Про 'дела' они тоже могли говорить, если дела были, но отвечать, вяло делаясь мелкими несущественными событиями – это было им обоим невыносимо скучно. А вот позвонить и сходу начать обсуждать философскую проблему, такую важную и понятную им обоим, одновременно мало интересную и туманно-нечеткую для других, это было так для них типично.

Сейчас Валера не был женат, но жил со своей аспиранткой, тридцатилетней японкой Йоко. Ну, что он мог пристать к Йоко со своим 'черно-белым' заскоком? Да, дикость, нет конечно. С другой стороны Гриша и с Маруськой в жизни бы не стал о подобном говорить. Маша бы честно задумалась, потом спросила бы, что он имеет в виду, с какой точки зрения нужно себя оценивать, почему ему такое интересно ... разве бывает только 'белые' или только 'чёрные' люди? Ее вопросы были бы такими недоуменными, что всякое желание обсуждать

философию у Гриши сразу бы прошло. Да он к женщинам никогда с этим не лез. Для философии и мыслей вслух и него был Валерка. В дискуссию они оба вступили мгновенно, сразу 'крещендо', разбег им был не нужен. Гриша уже весь был в 'чёрно-белом', он сейчас же забыл заседание кафедры, ситуацию на Украине, семейные дела, планы на лето. Существовало только 'чёрно-белое' ...

– Да, Валер, я понял ... я не знаю про себя, просто не знаю. Про других могу сказать, а про себя нет. Понимаешь, я и про тебя не могу ... Не знаю почему.

– Ну да. Ты прав. Мы с тобой ... тут все непросто. Тут я вижу три критерия: поступки, мысли и атмосфера вокруг личности ... ты понял?

– Да, что важнее, что ты думаешь или что ты делаешь? Я ...

– Мы с тобой делали не очень хорошие вещи, но вокруг нас нет тёмной гнетущей тяжелой атмосферы ... Мы светлые ребята ... Так я нас вижу.

– Да, наверное. Я тоже так думаю, хотя ... о себе судить трудно.

– Ну, Гринь, трудно, когда себе врешь, а когда правду думаешь, то все про себя знаешь. Разве не так?

– А Маруська?

– Маруська ... ? Интересный вопрос. Ну, она простодушна, как многие бабы. Светлая, скорее. Аллку любит. Дети – это уже свет. А я не живу со своей дочкой. И на мне черное облако из-за этого.

– А Саня?

– Саня? Он – чёрный. Так?

– Так.

Гриша немедленно без слов понял, о чём, упомянув о Сане, подумал Валера. Саня был с одной женщиной, ушел от нее беременной, говоря всем, что ребенок не его. Он был в этом так уверен, но ... нужно было сделать генетический анализ, а он не сделал. Как-то так ... замыкал, зассал. Гриша помнил, как Саня талдычил: 'Мужики, это точно не мой ... она и сама не знает чей это ... понимаете, мужики ... что мне его на себя теперь вешать? ... Вы меня понимаете ... '. Они ему ничего не сказали, но ... оба не хотели представлять себя в такой ситуации. Традиционный мужской кошмар: женщина 'вешает' на тебя чужого ребенка, спекулируя на твоей порядочности. С одной стороны Саню можно было понять. Как себя везти? Рецептов нет: разводка? Нет? Отползти и быть трусом ... Для Гриши с Валерой были морально неприемлемые вещи. Это даже не стоило обсуждать. Надо же, Валера вспомнил тут давнюю, обсуждавшуюся ими ситуацию. Кошмар. Гриша поежился. Хотя, интересно, что они оба одновременно решили, что Саня – 'чёрный'. У дома припарковалась машина.

– Валер, Маруська приехала. Всё.

– Ага. Давай.

Валерка даже не спросил, почему 'всё'. И так было понятно, что про 'чёрно-белую' концепцию при Маше разговаривать нельзя. Ну, не то, чтобы нельзя, а в лом. Валера нагло разговаривал по-русски при своей Йоко, хотя в таком случае девушка норовила деликатно отойти. Она этой своей деликатностью действовала Валерке на нервы. Да, он сам не знал, что ему надо. Как всегда. Они жили с японкой уже год, но по некоторым признакам Гриша был уверен, что скоро Валера опять будет один и в поиске.

Маша зашла в дом и они стали суетиться на кухне. Жена заезжала в магазин. Они раскладывали пакеты, хлопали дверцами холодильника, потом сели ужинать. За едой обменялись новостями, хотя 'новости' – это громко сказано. Маша спросила, как прошло заседание

кафедры и Гриша ответил, что нормально. Что ей было до его кафедры и зачем только спрашивала. Завтра ему надо было ехать менять масло, о чём он сообщил Маше, предупреждая ее, что он быстренько съездит, пока она будет спать. Гриша знал, что Маша выполнила перед ним свой обычный ритуал 'как дела', а теперь наконец имела право взять нить разговора в свои руки:

- Гриш, Алла себя неважно чувствует. Бедная.
- Да? А что ее беспокоит? Тошнит?
- Нет, Гриш, не тошнит ... Просто ей плохо.

Гриша так и знал, что Маша обязательно начнет рассуждать об Аллкиной второй беременности. Бабы с этой темы слезть не могут только об этом и думают. Очень интересный сюжет! Ага, Аллку не тошнит. Что еще спросить Гриша не знал. Что там бывает? Шесть, семь недель? Не черта еще даже не видно.

- Что ты молчишь? Тебе нечего сказать?
- Мань, что мне спросить? Я спросил, ты сказала, ее не тошнит.
- Ей просто плохо. Понимаешь?

Гриша не понимал. Не тошнит, ничего не болит ... Бабы просто хотят покрасоваться, чтобы их жалели, носились с ними ... Но он знал, что говорить этого было нельзя.

– Марусь, я ей очень сочувствую, но дело же того стоит. Наверное скоро все пройдет. Пойдем наверх.

Гриша пошел наверх, Маша гремела на кухне тарелками. Он принялся думать об Аллкиной беременности. Волновало его это или нет? Конечно волновало, но меньше, чем Машу. Мда, интересно, это только он такой, или Аллкин муж Коля такой же ... ну беременна, и что ... ? Что тут такого странного? Он знал, что перед самыми родами, он примется нервничать, жалеть Аллку, как там все будет ... лишь бы ребёнок был здоров. Он вообще сочувствовал женщинам, что им приходилось проходить через такое неприятное дело. Боже, хорошо, что он не женщина! Когда дочка вышла замуж, Гриша довольно спокойно принял ее мужа Колю. Ему и голову не пришло ревновать к парню свою девочку, он никогда в жизни не думал о том, какой у них секс, как чужой мальчик конкретно это делает с его девочкой ... А тут почему-то он вдруг попытался представить себе тот самый раз, когда Коля сделал Аллке этого ребенка. Хорошо ли ей было? И вообще 'как'? С каким настроением? Небось и не заметили ... он-то никогда не замечал. А потом было это знаменитое 'ой' ... 'надо же'. А тогда давно он был рад? Сложное чувство: радость, удивление, страх, гордость, сомнения ... Он обнимал Маруську и говорил 'как хорошо', но 'хорошо' было все-таки каким-то неоднозначным, смешанным с ощущением утраты чего-то важного. Женитьба, ребенок, работа, стремление к карьере ... все это отщипывало кусочки от его свободы, у них с Валеркой что-то отщипывало. Он никому никогда об этом не говорил, только Валерке, и друг его утешал, как мог: 'Гринь, это же хорошо. Ты же у нас уже большой мальчик. Пора, Гринь ...'. Ну да, это действительно было так, Валерке Гриша верил. Хотя, хорошо было Валерке говорить, это же не с ним происходило.

Они легли спать, и Маша сразу через пять минут уснула, тихонько во сне посапывая. Гриша еще долго не гасил настольную лампу, читал на ридере небольшой роман Олега Маловичко 'Тиски'. Отличная книга, замечательная. Трое ребят ... их жизнь, книга как бы не про что. Текущие, блеклые события, которые и событиями не назовешь, но всю эту повседневность каждый из троих видит по-разному. Три разных взгляда. Надо же ... какой-то Маловичко,

Гриша никогда о нем не слышал. Обязательно надо сказать Валерке. А Маше? А Маше он не скажет. Она другие книги любит. Весь этот их 'женский почерк': Рубину, Улицкую, Токареву ... Он тоже их читал, но ... как-то все 'розовато': а он ей, а она ему ... и она рыдает, а он – сволоочь. Неужели правда существует 'женская' литература? Ну, тогда и 'мужская' должна быть! Ну, наверное есть. Скажем Прилепин или Быков, Иванов, или вот этот Маловичко. Захотелось позвонить Валерке. Они не договорили. Нет, уже поздно. А все-таки стыдно, что он Маше о книгах не говорит, получается, что она его не понимает. Но он же даже не пробовал ... Не пробовал и не хотел ... Как-то не получалось у них с Машкой выйти за рамки 'бытовухи'. А, ведь, она неглупая баба ... что это с ним. Хорошо, что у него есть Валерка. Гриша вздохнул.

Он выключил книгу и свет, но сон к нему не шел. Так происходило уже очень давно, но с каждым днем его бессонница делалась все серьезнее. А ведь когда-то он засыпал мгновенно и просыпался на том же боку, ни разу не проснувшись. Ему даже казалось, что он только что лёг. А сейчас ... Гриша знал, что он скоро встанет, будет ходить, пить чай, потом снова ложиться, вставать ... ворочаться на смятых простынях, и думать ... Думать о ненаписанных текстах, борясь с желанием включить компьютер. Интересно, что у него первично: не спит потому что думает о текстах, или думает о текстах, потому что мучается от бессонницы? Да, какая разница!

Грише задумался, а когда же, с какого времени ему стало интересно писать. Он вроде и ничего не писал. Ну написали они вдвоем с Валеркой пару сценариев в школе, потом поработали 'культурниками' в студенческом лагере мединститута, куда их когда-то чисто случайно забросила жизнь. Чего-то они там сочиняли, оправдывая свое халявное купание в море и нехитрую еду. 'Творил' какую-то муть а ла капуста, но ... не писал. Начал писать уже здесь в Америке, в иммиграции.

По привычке все подвергать анализу, Гриша выделил две побудительные причины: подсознательная зависть к коллеге, желание доказать себе, что 'тоже может' и ещё, наверное, одиночество. Письмо – это был шанс поговорить. Хотя бы с собою.

Еще когда он начал учиться в Америке в аспирантуре у них там был чёрный парень, Сильвестр, который ни много ни мало, писал романы. Самое смешное, что романы его публиковались не такими уж маленькими тиражами во Франции, и Сильвестра вся кафедра, включая ведущих профессоров, прямо на руках носила. Как же ... они все имеют честь ... настоящий, известный писатель ... голос чёрной Африки, ее рупор ... глубины первобытной аутентичной культуры ... легенды и мифы народа Конго ... Становление личности, на которую действуют две культурных матрицы ... и так далее. Гриша как раз сидел с Сильвестром в одной комнате, они даже подружились. Он вообще был неплохой, неглупый парень, только слишком самодовольный, несколько преувеличенно обласканный славой, принимающий участие во всех франкофонных научных посиделках, и пропускающий по этому поводу школу. Гриша прочёл пару его романов. Нет, они не были так уж плохи. Даже наоборот: хороший современный французский, искренний доверительный тон. Очень нежное отношение к старшим родственникам, особенно к бабушке, подробное описание экзотически-бедного конголезского мира конца 80-ых. Плюс народно-освободительная борьба против колонизаторов и прочее хрестоматийно-франкофонное, модное в Европе и в Америке, но никому нафиг не нужное в Конго. Борец с империализмом Сильвестр никогда не знал крайней бедности, был сыном правительственного чиновника, публиковал свои вещи на языке 'колонизаторов' и продавались его книги в Париже, в вовсе не в Конго. Обычная, довольно конъюнктурная история, которая происходила повсеместно, и давно Гришу не удивляла. Здесь он просто оценил качество письма. Неплохо, но ничего такого уж выдающегося. Гриша смотрел на Сильвестра, и понимал, что он мог бы написать о своем детстве и о своей хрущевско-брежневской стране. Он написал бы по-другому, но не хуже. Разумеется Гриша понимал, но 'чёрная Африка' в моде, а СССР и Россия – нет. Никто его никогда не опубликует, нигде, да ему этого было и не надо. И тогда он начал писать свою первую книгу о себе, родителях, семье, друзьях, детях, иммиграции. Вся его жизнь ... Там

было более шестисот страниц. Валера их прочел, и довольно, кстати, быстро. Гриша ждал, что он скажет и тот их, по-поводу книги разговор, помнил дословно:

– Гринь, я прочёл ...

– И?

– Классно. Правда. У тебя получилось. Девчонки твои прочтут когда-нибудь. Ты для них писал?

– Для них тоже, но скорее для себя. И для тебя.

– Спасибо, Гриш. Я тронут. Это наверное пока не роман, это хроника. Но, какая хроника! Там есть главное: наше время и наши люди. Гришка, а теперь пиши роман. Ты сможешь. Я знаю. Сейчас пишут километры мути, а ты, Гриш ... Я хочу, что ты писал.

– Да, нет, я не смогу, да и для кого, Валера, я буду писать?

– Ни для кого. Ты же, Гриш, знаешь, что все лучшие книги были написаны для себя. Ты же сам мне только что сказал, что ты пишешь для себя. Давай, Гринь ...

Валерка просто его взял 'на слабо'. И сейчас Гриша ходил по комнате, освещаемой ярким неприятным светом фонаря с улицы и думал, про что он будет писать. Знакомое сумасшедшее ощущение зуда: открытая страница на экране компьютера, белая чистая, готовая принять твои мысли. Мысли приходящие в голову бессонными ночами, обретают форму, и ложатся на бумагу, складываясь в предложения, абзацы, главы. Ночь только началась. О чём ... о чём ... до сих пор Гриша никогда не мучался таким вопросом. Он подолгу думал о проблеме, проблема, как правило моральная, разъедала мозг, не давала покоя, и тогда Гриша подбирал марионеток-персонажей, которые будут жить на страницах повествования и донесут его мысли, его послание другим, пусть и вымышленным читателям.

А вот пора ему писать по-другому. Пусть не опубликуют, а если бы ... опубликовали? А если бы? В издательствах сейчас 'труба' с деньгами, публикуют только романы в 'формате'. Детективы, любовные романы, мистику, фэнтэзи, романы-катастрофы, ироническую прозу ... вот что берут. Надо вписаться в формат, не вписался ... твои проблемы. Никому ты нафиг не нужен. Гриша уже даже и думать забыл обо сне. А если попробовать? Самый нужный востребованный формат? Детектив! Вот что. Гриша прочел сотни современных детективов. Их писали все, кому не лень, кропали десятками, не гнушаясь, видимо, литературными 'неграми'. Некоторые даже и не считали нужным сотрудничество с 'неграми' скрывать, используя свое имя как бренд. Там всеми красками играла интрига. Стиль, герои, композиция, психологическая подоплека событий были разработаны так небрежно, топорно, безвкусно, неграмотно, что Гриша диву давался, как такое может вообще быть опубликовано. Однако публиковалось. Со всеми благоглупостями и вопиющими орфографическими ошибками. Завидовал он им всем? Нет? Или да? Ему же плевать на публикации ... а если честно? Можно в интернет выложить ... ладно, надо сначала сделать, а потом .. видно будет.

Так, так ... надо что-нибудь очень невинное ... сделать на контрасте ... милое ... а там, внутри ... животный ужас ... Гриша секунду фокусировался на своих мимолетных идеях и сразу их отбраковывал, в мозгу стоял мощный фильтр, который не пускал глупости, мертворожденные сюжеты. Сюжеты возникали как вспышки, но ни один Грише не нравился: то слишком броско, а значит безвкусно, то без потенциала, то банально и вторично, то ... Мозг работал на полную мощность. Гриша увлекся. Сочиняя интригу, он слышал в голове собственный голос:

– Осторожно ... детективная история должна быть идеально разработана. Здесь нельзя будет никаких 'а там посмотрим' и 'видно будет'. Все четко сбито: интригующее начало, развитие, развязка ... А иначе как? Начнешь, а потом не будешь знать, как закончить? Не сой-

дутся концы с концами? Думай, идиот. Это тебе не про несчастливых мужчин среднего возраста писать, которым 'мама в детстве недодала и насолила', и их дочери тоже 'несчастные'. 'А я несчастная – торговка частная'. Гриша всегда сам над собой иронизировал, пытаясь быть объективным и критичным. Детектив – это просто чёткая форма, а все остальное приложится. Но он знал, что он так не сумеет. Достоевский в конце концов тоже написал детектив. Убил Раскольников старушку ... а его за жопу, только не сразу.

Мозг устал, хотелось спать, но возбуждение не проходило, какой там 'спать' ... Гриша почему-то вспомнил, что вчера, хотя была только середина мая, он услышал перед окнами мелодичные звуки колокольчиков: по их тихой улице медленно проезжал раскрашенный фургон с мороженым. Ага ... Мороженое, вафельные рожки и стаканчики разной формы ... Фургон медленно едет по тихим улочкам, останавливается около каждого дома. В открытое окно пожилой благодушный дядька, улыбаясь подает детям разноцветное мороженое. Дети не видят, что там в фургоне. А там совсем узкий коридорчик, и по обе стороны прилавки с дырками, в каждую из которых всунуты длинные металлические пеналы с пломбиром. Дядька залезает в них круглой ложкой и кладет шарик мороженого в вафлю ... А можно получить свою порцию в маленьком пластмассовом стаканчике с ложечкой. Пожалуйста, деточка, ешь на здоровье. Дети отходят, у них такой счастливый вид, ребячьи языки слизывают с шарика холодную сладкую смесь ... А дядька улыбается и ребёнку и его маме, фургон останавливается около следующего дома. Музыка ... её слышно издалека и никто не может противиться звенящим колокольчикам ... Под контейнерами с пломбиром лежит сухой наколотый лед, а вот под ним ... лежит труп, весь усыпанный колкими холодными кусочками. Как он туда попал? Зачем? Кто убил человека под льдом.

Неплохо! Мороженое, детская доверчивость, колокольчики и ... труп! А что ... А ничё, через плечо ... Идиот! Благодушный добряк-мороженщик – убийца? Почему? Ну, например, потому что ... Почему? А? Его сын овердознулся и умер, и он теперь мочит мелких распространителей, подростков, торгующих в школах? Дядька просто свихнулся после смерти сына. Он их выслеживает и ... ну, понятно. Потом прячет в фургоне, а ночью ... закапывает в лесу. Или так ... трупа нет. Он не нужен. Мороженщик бывший ученый-математик. Он кладет яд в один из стаканчиков и один из детей умирает. Яд обнаружить невозможно и ребенок умирает как бы ни с того ни с сего. Происходит это не каждый день. Фургон нарочно ездит в разных районах, и никакой связи с мороженым не улавливается. Злодей очень хитрый. Зачем? Он что-то там такое хочет доказать, связанное с теорией вероятности ... Но у меня же нулевые знания теории вероятности ... ну это можно у Валеры спросить. Но все-таки зачем убивать-то? Можно же другие вещи делать и тоже эмпирически ... в чём фишка-то? Вычурно и соответственно ... слабо. Тьфу ... прощай, мороженое! Не пойдет. Да и вообще, какой интерес рассматривать патологию?

Гриша вспомнил, как в воскресенье они с Марусей поехали в город на плазу и там видели семью на прогулке ... А вот это подойдет. Он вошел в спальню и лег. Маша спала, она никогда не слышала его ночных перемещений. Гриша спокойно, не ворочаясь, лежал на спине, заснуть он даже и не пытался, понимая, насколько это сейчас бесполезно. В голове всплыла картинка. Только пока картинка, без начала и конца, без диалогов, без психологических мотивировок поступков ... да и поступков пока не было. Но однако, оживляя свою картинку персонажами, Гриша безо всякого напряжения опять начать 'писать' от первого лица:

Мы быстро, нигде не останавливаясь и ни на что не глядя, прошли через большие залы универмага и вышли на широкую крытую галерею торгового центра, куда открывались двери бесчисленных бутиков, в витринах которых стояли статичные, чем-то пугающие, фигуры манекенов. Воскресенье, народ просто гуляет по магазинам, ничего особо не покупая, просто

рассматривая товары. Обычно посетителями плаз были женщины, но сегодня тут были парни с подружками, целые семьи. Пожилых дам сопровождали мужья, покорно несущие яркие полиэтиленовые пакеты. Расслабленная воскресная суета.

Мы увидели их сразу, моментально охватив взглядом всю маленькую характерную группу. Моложавая, довольно ухоженная мама, в дорогих джинсах и свободном кардигане, около нее две девочки, сестры-погодки, оживленно что-то обсуждающие. У них в руках сумки из тинейджерских магазинов. На полиага впереди отец семейства, высокий, спортивного вида мужчина в очках с чуть усталым, интеллигентным лицом. Мужчина толкает перед собой коляску, в которой сидит аккуратно одетый мальчик в бейсболке и ярко расписанной майке. Сразу видно, что ребенок больной. Ему уже лет шесть, таких детей уже давно не возят в коляске. Мальчик сидит сильно откинувшись на спинку, он чуть съехал вниз, и если бы ремень его не держал, он бы совсем провалился. Голова его сдвинута набок под неестественным углом, рот полуоткрыт в подобии улыбки, а глаза бессмысленно смотрят расфокусированным и одновременно пристальным взглядом вверх голов идущей мимо толпы. Ноги и руки его спазмированы, сжаты, как у паука. Семья проходит мимо дверей бутиков, девочки с матерью иногда бросают заинтересованные взгляды на витрины, останавливаются, и тогда отец покорно останавливается тоже. Мальчик нетерпеливо издает громкие нечленораздельные звуки, мать с девочками спохватываются и все медленно двигаются дальше, мальчик замолкает и снова бессмысленно смотрит куда-то вверх.

Толпа их обтекает, люди стараются не подходить совсем близко к коляске. Со стороны это выглядит, как несколько преувеличенная вежливость: надо пропускать инвалида. На самом деле все просто шарахаются от этой семьи, как от зачумленных. Кто-то немного замедляет шаг или специально заходит в магазин, куда секунду назад и заходить-то не собирався. Все что угодно, лишь бы оторваться от страшной коляски на безопасное расстояние, большинство не оглядывается, делая вид, что они ничего особенного не заметили. Оборачиваются только дети. Это сильнее их. Они снова и снова поворачивают голову, чтобы смотреть на ужасного мальчика, вобрать в свою память всю неприглядную, но завораживающую картину. Мальши тянут мамину голову вниз и что-то шепчут ей на ухо: мам, что это с ним ... почему он такой ... мам ... ты видела? Матери конечно видели и мысленно поблагодарили бога, что этот ребёнок чужой и зрелище можно выкинуть из головы. Родители используют ситуацию для воспитания: нельзя так на них смотреть, не оборачивайся ... нехорошо пялиться ... Дети интересуются, выздоровеет ли мальчик, взрослые стыдливо отводят глаза и переводят разговор на другую тему. Толпа жалеет семью, но это не просто жалость. Тут и брезгливость, и острая радость от того, что это случилось с другими, и досада, что воскресное настроение капельку подпорчено, и жадное желание все-таки взглянуть ещё раз ... сравнить свое благополучие с их несчастьем, восхититься родителями, несущими свой крест, и примерить ношу на себя, с облегчением понимая, что ноша – это только теоретически, только теоретически.

Гриша тоже всё видел и сейчас вспомнил свои тогдашние мысли. Просто разница между ним и остальными заключалась наверное в невозможности для него картинку забыть. Он впитал ее, оставил в памяти, не стёр усилием воли, она сама засела в мозгу, до поры законсервированная. Сейчас она возникла, намного рельефнее, чем в действительности. Такой вот сочный, яркий, панорамный эпизод, стоп-кадр. Вот что ему надо, вот из чего он вытащит свой детектив с убийством, но не только и не столько в убийстве будет дело.

Не в силах более сдерживаться, Гриша встал, голова его гудела, стало холодно. Он включил компьютер, и резкий голубой свет экрана ударил по его усталым сонным глазам. Гриша сформулировал свой поиск: патологии недоношенных детей. Первая же ссылка погрузила его в мир сухих медицинских терминов. Было начало третьего, Гриша хотел спать, но идея книги не

отпускала его. Сюжет обрастал все новыми подробностями. Что-то виделось пока схематично, другое, наоборот, уже писалось в мозгу 'на черновик':

У здоровых небедных родителей две девочки 10 и 8 лет. Отец хорошо зарабатывает, мать тоже профессионалка, но с рождением детей, она оставляет работу, полностью посвящая себя семье, и нисколько об этом не сожалея. Девочки подросли и мать достаточно отдохнула. Теперь можно родить третьего ребенка. Мужу так хотелось бы мальчика. Желанная беременность ... радость ... 17 недель ... ультразвук и ... ура, у них будет сын. Маленький братик, которого будущие сестры ждут не дождутся. Мальчик внутри шевелится. И вдруг на 24 неделе начинаются роды. Как ... почему? Нет никаких причин ... ни с того, ни с сего. Остановить процесс не удастся. Рождается крохотный, красный комочек плоти, совершенно не приспособленный к жизни. Весу в нем чуть больше 400 граммов. Он почему-то не умирает. Лежит в младенческом отделении интенсивной терапии, подключенный к аппаратуре, ему надо вводить стероиды, чтобы попробовать доразвить лёгкие. Сам ребенок дышать не может. Родителей пускают на него посмотреть. Страшное безысходное зрелище: распластанный тельце, на голове под прозрачной кожей пульсируют сосуды, раскинутые, похожие на куриные, ручки и ножки, отовсюду торчат какие-то трубки. Проходит несколько дней и тон врачей становится всё суше: нет, ребенок не жилец, его надо отключить от вентиляции легких, от питания ... Тянуть его не стоит, так как даже, если ребенок выживет, что мало вероятно, его патологии не дадут ему нормально развиваться, справиться с ними будет практически невозможно, ребёнка не ждет полноценная жизнь, и будет безнравственным ... не жалея красок им об этом говорили каждый день.

Пусть через аппарат, но мальчик дышал, а значит жил ... Они смотрели на его безжизненное крохотное личико и не могли его, как им обоим теперь казалось, ... убить. Нет, он выживет и всё будет хорошо. Молодые американцы были оптимистами. Их так воспитали. И вообще 21 век на дворе. Ребёнка держали в отделении 4 месяца. Начались проблемы со страховкой и семье пришлось заплатить за больницу бешеные деньги. Потом они его забрали домой и ... жизнь благополучной семьи переменилась. У мальчика был ДЦП, детский церебральный паралич, он был слабо слышащий и видящий, умственно отсталый ... рос он крайне медленно, мышцы его были спазмированы, позвоночник и суставы деформированы, ни ползать, ни ходить он так не выучился. Интеллект развился очень слабо, ребенок так и остался имбецилом. Его взгляд фокусировался на матери, мальчик был к ней по-своему привязан и нуждался в постоянном надзоре и уходе. Получилось, что их сын так и остался младенцем, но младенцем неприятным с бессмысленными косыми глазами, открытым ртом и скрюченным телом. Он издавал нечленораздельные звуки, а иногда плакал неизвестно почему, давясь от рыданий.

Почему они с мужем не послушались врачей? Не послушались, а теперь винили их за неспособность помочь их сыну. По сто раз в день мать меняла большие дурно-пахнущие подгузники, вытирала ему лицо, усаживала на коляску. Ребёнок стал тяжёлым. Он мертвым весом оттягивал руки, и матери надо было всё время помнить, что сына следует привязать. Девочки любить брата не могли, они его только жалели. Их жалость была всегда смешана с раздражением: слишком многого родители им теперь не добавляли, к тому же девочки не могли себе позволить приглашать домой подруг. По утрам отец с радостью уходил на работу, а выходные стали для него кошмарным сном, от которого невозможно было проснуться. Матери было хуже всех, она никуда не могла уйти.

Сначала все ими восхищались. Ну как же ... семья, чья жизнь превратилась в служение, и они достойно несли свой крест, как и полагалось. Потом постепенно стало заметно, что к ним в дом перестали ходить люди, соседи, друзья, родственники. Даже бабушки и дедушки приходили крайне редко, предпочитая забирать к себе девочек. Первые годы они еще приходили

к родственникам на День Благодарения и на Рождество, но через пару лет стало очевидно, что делать этого не стоит. Бесконтрольные крики их сына могли создать такое напряжение, что всем хотелось только одного: уйти! Тогда несколько раз в год приглашалась сиделка и семья шла в гости. Можно было бы приглашать ее чаще, сходить в театр или в ресторан, но им не хотелось, ничего давно не хотелось. Они были вежливы друг с другом, но что-то поломалось, вечером в постели муж с женой просто гасили свет и засыпали, не забыв пожелать друг другу доброй ночи.

Мысль о том, как было бы хорошо и славно, если бы мальчик умер, исчез из их жизни, чтобы все стало по-старому, приходила женщине в голову не так уж редко. Вот она утром подходит к его кровати, а он мёртвый ... Тогда все само разрешится. Но ничего не разрешилось, мальчик продолжал жить. Вот они станут с отцом старыми, умрут и тогда ... что? Он должен будет остаться на попечении сестер? Ну, выход всегда был ... круглосуточная сиделка с проживанием. Сколько же надо будет тратить денег, чтобы длить его никчемную жизнь? Можно поместить сына в специальное заведение ... опять деньги и комплекс вины. А главное, почему девочки должны будут тратить деньги ... И все-таки кто же был виноват ...? Мать в глубине души всегда знала, что ... она! Родители всегда говорили ей, не сдавайся, не сдавайся! Ты можешь! Вот, она и 'не сдалась', 'смогла'. Она настояла, она настроила мужа на борьбу, она говорила девочкам, что все будет хорошо, что они должны любить брата ... Недавно где-то ей попала фраза, что 'если ошибку можно исправить, то это – не ошибка'. Вот она и должна все исправить и она исправит. Она сможет. Мальчик должен умереть, так всем будет лучше, и даже ему самому. Она ему поможет умереть, она же мать! Теперь каждую минуту она обдумывала 'как', как это сделать так, чтобы никто ничего не заподозрил. Как, как? Бывают ли вообще идеальные преступления? Яд? Несчастный случай? Задохнулся во сне?

... Долгие раздумья по-поводу способа ... подготовка ... осуществление замысла ... Так, это уже другая стилистика: утро преступления. Отец с девочками уехали на целый выходной, она осталась с ребенком одна. Мальчик спит ... она подходит и смотрит на его спящее лицо. Во сне он не выглядит дефективным. Наоборот, он похож на сестер, такой же высокий лоб, длинные ресницы, русые волнистые волосы. Она смотрит долго, не может решиться. Вспоминает беременность, надежды, борьбу первых месяцев ... радость, что мальчик выжил, потом гордость за то, что крест они несут достойно, потом холодноватость родных и друзей ... потом прогулки по улицам, когда каждый взгляд толпы жег их каленым железом. Ох уж эти сочувственные, брошенные украдкой взгляды, люди смотрели на него, а ей казалось, что и на неё тоже: она родила эту мерзость, этот позор, этого ужасного уродца ... Во сне лицо сына было нормальным, под одеялом лежал маленький мальчик, который полностью от неё зависел.

Но ... наконец она решается, берет лишнюю подушку и плотно прижимает её к спящему лицу. Тело ребенка напрягается, выгибается дугой, он судорожно стучит маленькими пятками по кровати. Слышны сдавленные стоны, сопение ... Она держит подушку ... держит еще долго после того, как тело перестает двигаться. Она просто не может ее отнять от его лица, увидет то, что она сделала. Своими руками убила сына ... А вдруг лицо посинело? Вот она снимает подушку: нет, ничего особенно не видно. Спит и спит. Женщина звонит в полицию и мужу: мой сын умер, задохнулся, подавился чем-то ... не знаю ... нет ... Полиция приехала минут через десять, следом за ними в доме появились парамедики. Во дворе мигают огни спецмашины, выходит сосед в пижаме. Тело забрали. Женщину утешали, говорили какие-то слова, предлагали сделать седативный укол, спрашивали, сообщила ли она мужу. Да, сообщила, он сейчас приедет с дочерьми. Сможет ли она остаться в доме одна, может пригласить кого-нибудь из близких родственников. Нет, не надо, спасибо ...

Женщиной овладели практические мысли. На вскрытии факт смерти от удушья конечно обнаружится. Расследование? Как это могло с ним произойти? Кто был дома? Только она. Ага ... Но, она же не дура. Она положила ребенку в рот большую 'стеклянную' конфету. Он был беспокоен, и она, чтобы его успокоить, дала ему сосать его любимую карамельку. Ей надо было отойти. Они всегда так делали. Сосание его успокаивало. Семья конечно подтвердит. Как он мог этой конфетой подавиться? Нет, она не видела и не слышала, была в душе ... Подавился как-то. Откуда она знает как? Конфету она протолкнула в горло, нет, он уже не мог ее проглотить, он был мертв, конфета застряла, если широко открыть ему рот, то ее будет видно. На вскрытии увидят и ... подозрения с нее снимутся. Женщина опять была полна оптимизма. Будут ли они так стараться расследовать смерть больного ребенка. С таким ребенком, ведь, что угодно могло случиться. Сейчас придет муж, войдет в дверь и ... посмотрит на нее долгим пристальным взглядом. Надо этот его взгляд выдержать! Догадается он или нет? А пусть бы и догадался. Она это сделала, он бы ни за что не смог. Так бы и жил как грустный зомби. А с нее хватит. Она смогла. Ее семья этого не заслужила. Она не для себя, она ... для них. Да, и для него тоже. Сейчас ей правда так казалось. Зачем ему жить и мучиться ?

Притихшие девочки смотрели на нее серьезными глазами. Ну, что ж ... несчастный случай. Ваш брат задохнулся конфетой. Я проглядела. Что ж делать. Идите в кухню, надо что-то поесть. Муж ни о чем не спросил. Догадался? Может быть. Ну и пусть.

На вскрытии конечно нашли конфету ... странно, но ... у мальчика были проблемы с питанием, что ж тут удивляться ... врожденная периферическая невропатия, мог ли он адекватно управлять своим глотательным рефлексом? Вряд ли ... там был целый букет патологий. Несчастный случай. Зря мать его оставила с конфетой. Ее можно понять, они же всегда так делали... Никакого уголовного дела возбуждено не было.

Финал: инспектор полиции имел серьезные сомнения в невиновности матери, при большом желании он бы даже, вероятно, смог доказать ее виновность в смерти ребенка, но ... зачем? Несчастливая семья. Обвинять мать в убийстве? У них двое детей. Он представил дело, как несчастный случай и постарался о нем забыть. Родственники собрались в церкви и сидели плечом к плечу на мемориальной службе. Маленький гроб сиротливо стоял на постаменте. Священник говорил что-то о безгрешной детской душе. Большие говорить было нечего. Через год, они развелись ... Начать жить с 'чистого листа' не получилось. Из жизнь стала спокойной, но радости в ней уже никогда не было.

Гриша все продумал. Ему уже хотелось начинать работать над своим детективом. Впрочем, можно ли было считать идею детективной. Да, просто надо сделать это историей преступления, и 'выписать' процесс убийства, потом расследования ... Как чисто детективная, идея была ущербна, да что там ущербна ... просто дерьмо. Там не было самого главного – интригитайны: кто убил? Собственно расследование оказывалось минимальным. Ну, и ладно ... Пусть будет психологический роман с детективным элементом. Надо придумать название. Это важно, это знак темы, вызывающий те или иные ассоциации. Заголовок должен быть выразительным и впечатляющим. Придумал же Гоголь название 'Мертвые души', и ... хочется читать. Заглавие ... это сгусток смыслов. Было бы стильно назвать роман одним емким словом: Тупик ... Проклятие ... Избавление ... Нет, не то. Претенциозно. Есть 'Западня', 'Деньги', 'Накипь', 'Разгром'... да мало ли ... но он же Гриша Клибман, а не Золя. А вот 'Желанный ребенок' – это лучше, банально, но уже чувствуется какой-то подвох, хотя ... слишком все продается на первых же страницах. Не годится. Есть броские издательские названия ... Гриша усмехнулся. 'Игры с темным прошлым' или 'Волчья ягода'. А как насчет 'Дождь тигровых орхидей', 'Вла-

стелин на час'. Он помнил все эти красивые названия, он сам скачивал для Машки подобные книги. От таких названий несло дешевым чтивом. Нет, только не это. С другой стороны, стал бы он противиться, если бы 'орхидеи' предложили в издательстве и ... опубликовали? Конечно бы согласился. Чёрт с ними с 'орхидеями и волчьими ягодами', наплевать. Но у него нет издателя, он просто так сам с собою играет и назовет роман как ему самому нравится. Например ... 'Системная ошибка'. Это компьютерный термин, неустранимая ошибка в системе, когда единственным возможным действием является перезагрузка. Надо попытаться сохранить данные, иначе все пропадет. Женщина попыталась 'перезагрузить', но ... ей мало что удалось сохранить. А что ... ничего. По названию ничего не угадать, оно современно, на слуху, как бы о компьютерах, не о людях. Да, произошла цепь ошибок, необъяснимых, слагающихся из множества факторов и попытка перезагрузки системы была в целом успешна, но некоторые 'файлы' пропали ... А что было делать? Открытый конец ... ничего не объяснять и не комментировать. Каждый пусть сам думает.

Грише вдруг очень захотелось спать, мысли стали затуманиваться. Прежде, чем заснуть, он еще успел пожалеть, что ничего не записал, в надежде, что днём вспомнится. Да, вспомнится, но слишком блекло, схематично, тускло. Ночные мысли отличались от дневных яркостью, рельефностью, силой ... Когда он мог вызвать днём свои ночные мысли, тогда писать получалось. Получится ли на этот раз, Гриша пока не знал.

Утром жена ушла на работу, а он остался дома. Летняя школа начиналась еще через две недели. Чем себя занять Гриша особо не знал. Он убрал на кухне, поставил стираться белье, уселся за компьютер и быстро написал на чистом листе ворда 'Системная ошибка', затем он постарался набросать схематичный сюжет романа, сохранил документ и все закрыл. Настроение писать совершенно исчезло. Вот так он и знал.

Позвонил Аллке, спросил, как она себя чувствует. Ему она про свою слабость ничего не сказала. Они вообще о новой беременности с ней не разговаривали. Зато она ему рассказала, что внук вчера немного подрался в школе. Ему 8 лет ... ничего себе. Тут такое совсем не принято. А что случилось? Мальчик из класса на площадке его толкал, причем нарочно. Не извинился. Антоша просил его прекратить 'это делать', объяснял, что ему неприятно. Гриша усмехнулся. Он бы когда-то ничего не объяснял так долго, он бы уже давно развернулся и врезал ... Нет, он не был какой-то такой уж особо агрессивный ребёнок, но ... по-другому было нельзя, иначе тебя бы всегда все толкали. А здесь Антоша терпел до последнего, но его дружок из класса все-таки перегнул палку. Антон, как тут принято в полиции, предупредил, что ... он 'будет стрелять', он наконец ударил. За внука стыдно не было. Что-то генетическое в нем сработало, он не оттолкнул обидчика от себя по-девчачьи, он ударил ему в нос. Попал ... и из носа пошла кровь. Ну да, так и должно быть, нос вообще сильно кровит. Потом бить уже не стоило, надо было как раз 'до первой крови' и все. Что тут поднялось. Забегали, бедняжку в крови к медсестре, Антошу к директрисе, а Аллку в школу ...

– Алл, ты что его ругала? Зачем?

– А что он дерётся? Я чуть со стыда не сгорела. Мне пришлось извиняться.

– Подожди, там, ведь, не Антон начал. Это мальчик к нему лез. Это, что не учитывается? Как-то странно.

– Учитывается, пап, но ты не понимаешь. Тут так никто не делает. Сложилась неприятная ситуация, и Антон вышел из нее неправильно.

– Да, а как ему надо было из нее выйти? Тот, видать, по-хорошему не понимает. Это часто бывает. Непонятливых учат ...

– Ну, не бить же его по лицу!

– А куда надо было бить? Это честный бой.

- Прекрати, папа. Это ты его научил так себя вести ...
- Я? При чём тут я? Нет, а правда, что ему было делать?
- Надо было к учительнице подойти. Или мне дома на худой конец рассказать.
- И что бы ты сделала? Сама бы к учительнице пошла?
- Да, для этого взрослые и существуют. Они учат детей решать свои проблемы мирно ...
- Прекрасно. Две взрослые тётки решат пацанскую проблему? Неужели ты не понимаешь, когда тебя обижают, выделяется адреналин, а может тестостерон. Тут надо действовать, а не к учительнице идти. Вы бы назавтра 'разрулили', но только этого уже ему было бы не надо. Все прошло, обида бы прошла ...
- Вот и хорошо, что прошла ...
- Это как? Скушать? Антон мужик. Уважаю. Мой внук. Врезал и хорошо. В следующий раз надо снова врезать. Иначе ему все будут на голову срать. Он – мужчина.
- Ладно, пап, я не хочу этого слушать. Пойми, мы живем в цивилизованном обществе. Ради бога, не хвали Антона за подвиг! Пожалуйста.
- Алл, не беспокойся. Я ничего не буду ему говорить. Это в конце концов ваш ребенок. Зачем ты мне это рассказываешь, ты же меня знаешь. Я к учительнице не ходил ...

Они поговорили еще о каких-то пустяках и Гриша повесил трубку, с двойственным чувством. Аллка с ее американским политкорректным пацифизмом действовала ему на нервы, а гордость за Антона его прямо-таки распирала. Он про себя решил, что он с ним обязательно как-нибудь к слову обсудит этот 'бой', и скажет, что он на самом деле думает. Все эти их американские 'сю-сю-сю' были ему совершенно не по сердцу. И сам он в первый раз подрался примерно в этом же возрасте. По поводу гораздо более серьезному. Противный там был повод, и никакая учительница ему бы не помогла. Он это и тогда понимал. Дело было в том, что ему напомнили, что он еврей. Вот по-этому он эту первую в школе драку и запомнил. И еще там с ним был Валерка.

А с какого возраста он, Гриша, вообще понял, что он еврей, то-есть не такой как все. Да вроде он всегда это знал, непонятно откуда, но знал. Приходили родственники говорили особые словечки, вставляли их в анекдоты, смеялись им одним понятному юмору, который окружающие не поняли бы. Гриша словечки понимал, суть анекдотов была ему ясна, это был и его юмор тоже, но ему бы и в голову не пришло употребить все эти семейные словечки с друзьями. Были живы бабушки и дедушки. Мамина мама в разговорах всегда интересовалась кто 'аид' и кто – нет. 'Аид' – это значит еврей, Гриша очень рано это понял. Он не помнил, чтобы родители проводили с ним беседы о том, как надо себя вести в школе, если обзовут 'евреем'. Папа не учил его ни ругаться, ни драться. Как отвечать, 'если что' Гриша не знал. Хотя нет, знал, но только не от родителей, а от старших товарищей по двору. Все самое главное он узнал во дворе: мат, откуда дети берутся, драка, выпивка, гитарные аккорды, дружба, девчонки, игра в 'ножички' и 'приступочку', первые выигранные и проигранные копейки ...

Мама приходила с работы, забирала его из детского сада и лет с пяти разрешала ему до ужина погулять во дворе одному. Он и по выходным гулял перед домом. Они с соседскими ребятами лепили бабу, кидались снежками. Посредине двора стояла деревянная горка и они с нее съезжали по всякому, хвастаясь друг перед другом удалью, специально валя девчонок, радуясь создавшейся куче-мале. Маме некогда было с ним гулять. А в год перед школой это было бы уже неприлично. В дальнем углу двора стояла беседка, и там вечером собирались старшие ребята, они курили, пили дешевый портвейн, рассказывали истории. Вот от них-то Гриша и узнал, как надо драться. Драться было 'надо', чтобы не прослыть маменькиным сынком, чтобы быть своим в дворовой компании. Вопрос 'как' был важен, но все-таки второстепенен. Гриша впитал принципы дворовой драки 'бить первым', если уж повалят, то прятать

голову и живот, стараться сгруппироваться. Правил особых нет, победит тот, кто спокойнее и злее, вовсе может быть не самый сильный или тренированный. Драки могли быть дружиной за 'своих' или один на один с врагом или обидчиком. Там ты всегда был только за себя, никто не вмешивался, это было делом чести. Таков закон. Гриша во дворе и начал драться еще маленьким, потом в школе. То кто-то толкнул и он больно ударился, то вдруг ребята забирали ранец и начинали им кидаться, то тетрадь взяли без спросу ... Он такое не спускал. Гриша понял, что он не слабее других, и еще он одну вещь понял ... стал сознавать, что обидевшись, в заведенном состоянии он был способен ударить не колеблясь, ему не было жалко противника. Потом могло быть жалко, если он сделал кому-то больно, но не в момент удара. Наоборот хотелось сделать, как можно больнее, чужая кровь не пугала, а возбуждала.

Став старше, он потом видел на других постепенно чернеющие синяки на скуле или брови, заплывший глаз и ... Гриша спрашивал себя 'а тебе жалко?', и сам себе честно отвечал 'нет ... такому-то поделом'. Он с удовлетворением смотрел, как враг выплевывает выбитый зуб. Так тоже пару раз было, а у Гриши в кровь были содраны костяшки пальцев. Ему и самому доставалось. Он приходил домой в рваной одежде, измазанный грязью, с разбитым носом, с кровью на рубашке, и тогда мама ужасалась, первое время рвалась идти разбираться с родителями обидчиков, и потом ругала самого Гришу, кричала, что 'ей за него стыдно', 'что он только и знает, что руки распускать', называла его 'своим наказанием'. Отец в таких случаях всегда молчал. Грише хотелось бы его одобрения или хотя бы участия, но нет ... отец никогда его за драки не хвалил, хотя и не ругал тоже. Постепенно стало понятно, что драки – это только его дело, родители, особенно мать, тут ни при чем. Ему не приходило в голову жаловаться или жалеть себя. Иногда, уже в средней школе его били сильно, однажды даже сломали запястье, но чем сильнее ему доставалось, тем злее он становился в следующий раз. В их классе были ребята, которые не дрались никогда, но Гриша не хотел принадлежать и их числу. И Валерка не хотел. Им обоим надо было драться. То ли у них в школе это был единственный способ подтвердить свой статус 'альфа– самцов', то ли им самим было нужно дать выход избыточной дурной энергии, то ли они тогда сами себя проверяли на 'вшивость'.

Но тогда ... Грише было лет девять. Наверное, не больше, он все еще был в начальной школе, но уже с пионерским галстуком. Галстук Гриша помнил. На второй большой перемене он зашел в туалет. Там были большие ребята, года на два старше. Они были из одного класса, а Гриша был 'маленький'. 'Ой, нехорошо, что тут кроме них никого больше нет. Надо мне уходить и подняться в туалет на другой этаж' – что-то Грише уже подсказывало, что так просто он не уйдет. Ребята стояли, о чём-то переговариваясь. Потом кто-то сказал:

– Слушай , пацан, дай рубль.

Просил полноватый пятиклассник, рыжий с наглыми заплывшими маленькими глазками. Паренёк играл приклатненность, имени его Гриша не знал, знал только кличку: Васёк. То ли его правда Вася звали, то ли он был Васильев. Тон Васька был весьма миролюбив, хотя отказа не предполагал. Парни были уверены, что деньги он им сразу отдаст.

Обычно у Гриши не было с собой денег, тем более, что рубль считался большими деньгами. За завтраки мама платила заранее, а после школы он всегда шел домой. Родители ему в деньгах не отказывали, но Грише каждый раз надо было объяснить, на что он просит. Но однако, как раз сегодня рубль лежал у него в кармане. Была пятница и они с Валеркой собрались идти в кино 'Дружба' на Песчаной площади. В голове мелькнуло: 'дать им что-ли этот рубль ... чтобы отстали ... а что будет, если я не дам ... почему это я должен им давать ... а если не дам ... будут бить ... или не будут ...' Грише тоскливо подумалось, что скорее всего будут ... Старшекласников, которые не допустили бы беспредела, в туалете не было. Валерка был дежурный и на перемену не вышел, мыл доску. Решение пришло само, неосознанно.

Гриша даже не успел подумать, почему он так себя повёл:

– Ничего я тебе не дам. Отвали. Это было грубо, Гриша знал этикет. Он явно нарывался. Знал бы свое место. Кто он тогда был по сравнению с пятиклассниками? Козьявка.

– Ну, как это ты не дашь? Ты не можешь мне не дать. Может у тебя денег, шкет, нет. Бывает ... я вот сейчас сам у тебя в кармане посмотрю. Не найду, получишь щелбан и пойдешь ... Тон Васька был фальшиво 'отеческим', мнимо ласковым.

– Есть у меня деньги, но я не дам ...

– Ага, есть, значит. Не дашь, значит ... Пацаны, вы слышали? Он не даст. Он нам отказывает. Сопля, а ты хорошо подумал? Я спрашиваю, ты подумал? Я хочу по-хорошему, по-пацански. По-плохому я так и так у тебя всё заберу. Слышь ... всё. Ты понял, урод? Нельзя быть жадным. Я тебя научу быть добрым ... Слышал? Пионер – хороший товарищ ... а ты – плохой товарищ, и позоришь нашу дружину. Позоришь, морда?

'Так, ну всё. Я нарвался. Сейчас будут бить. Отпиздят ... из-за кого-то рубля. Вот я дурак'. Гриша может и взял бы свои слова обратно, но было уже поздно. Как учительница говорила 'слово – не воробей', а папа говорил 'поезд ушел'. Он смог только обреченно повторить 'отвали, не трогай меня ...'. Гриша вообще-то знал, что дело тут было ни в каком не в рубле. Дело было в принципе. Один раз уступишь без боя и всё ... что 'всё' тоже было ясно. Ты – никто, с тобой можно делать, что угодно. Что тут непонятного. 'Надо бы дать ему в нос и ... бежать'. Гриша знал, что так надо было сделать, но он не смог. Пропустил момент. Сразу пришла в голову трусливая мысль, что все бесполезно: даже, если ему сейчас удастся вырваться за дверь, добежать до класса, все равно они будет его ждать после школы.

Васёк привлек Гришу к себе и толкнул его небольшое тело к приятелю. Гриша инертной массой не больно стукнулся о соседнего мальчика. Тот его толкнул к следующему. Вся группа пятиклассников, человек пять, перебрасывали его от одного к другому, пиная, как мячик. Гриша и сам такое много раз проделывал, заключая провинившегося в круг. Такая вот жесткая мужская игра: 'пятый угол'. Его мотало в маленьком кружке, как тряпку, он не мог ни затормозиться, ни выйти из круга, ни дать сдачи, тоже кого-нибудь толкнув. Ему не хватало массы.

– Ну, ты не передумал? Это мы тобой в баскетбол играли, а можем – в футбол. Хочешь ... в футбол? Ты мячик, я – Пеле.

Васёк пихнул Гришу с такой силой, что он упал на грязный мокрый пол. Васёк рывком поднял его и полез в Гришины карманы. Гриша судорожно попытался этого не допустить, но его карманы были вывернуты, рубль Васёк достал. Больше он ничего не нашел, и был явно разочарован. До звонка оставалось еще минут десять. Васёк больно ударил Гришу в ухо. Ухо немедленно перестало слышать, гудело и начало распухать. Потом кто-то еще ударил его под дых. Гриша сложился пополам, ловя ртом воздух, и держась за живот. Васёк ударил его в лицо, попав по подбородку. Гриша снова упал и сразу инстинктивно поджал ноги к животу. Встать он даже не пытался, было бы только хуже. Они били его ногами, но не слишком сильно. Сейчас главной была не боль, а унижение: правая Гришина щека была прижата к кафельному полу уборной, как раз в лужу. Скорее всего это была просто вода, возможно натекшая из какой-нибудь трубы, но Грише казалось, что это вовсе никакая не вода, а моча. Маленький Гриша был уверен, что кто-нибудь, вроде Васька, специально нассал на пол. Ребята завелись, матерились, но это были ожидаемые знакомые слова. Среди матерных слов Гриша слышал еще и другие, которые ему раньше никто не говорил ... хотя Гриша прекрасно знал, что они означают: 'давай,

парни, бей этого жидяру ... как там тебя, кацман ... он абраша кацман ... так ... убил бы жидоёба ... '.

И тут в уборную вдруг вошел Валерка, собираясь намочить тряпку. На секунду он застыл, а потом с каким-то криком, который Гриша сейчас не помнил, бросился на Ваську, безошибочно определяя жоака своры. Пока его не повалили, он успел съездить своей грязной тряпкой Ваську по морде. Они оба лежали в мелкой луже, лицом друг к другу. Гриша заметил, что Валерка не закрыл глаза. Внимание пятиклассников переключилось на Валерку, кто-то больно пнул его по коленкам, а потом еще по шее. Гриша видел, что глаза друга наполнились злыми слезами, но они оба молчали, уставившись друг на друга, моля другого о молчании, заклиная не плакать и не просить пощады.

Раздался звонок с перемены, парням пришлось остановиться, хотя было понятно, что никакой весомой победы они над мальцами не одержали. Ворча, что они с 'мелкими сучонками еще разберутся' ребята вышли в коридор. Вид у Гриши с Валерой был жалкий. Мокрые испачканные формы, встрепанные волосы, расхристанные, вылезшие из штанов рубашки, галстук набекрень, красное в слезах лицо, у Гриши затекло и сильно распухло ухо. И все-таки им пришлось идти в класс. А какой у них был выход? Не ходить на урок? Училка бы отправила ребят их искать. Они чуть опоздали и дверь класса уже была закрыта, пришлось стучаться и сразу стало очевидно, что они подрались. Тамара Николаевна поставила их перед классом, ругала, записала 'замечание' в дневник. Этим, правда, все и закончилось. Оба уселись за парты и долго шмыгали носом, постепенно успокаиваясь. Был урок чтения, Гриша немного отвлекся, но разумеется не забыл о происшедшем. После занятий он сразу подошел к другу:

– Валер, ну ... это ... спасибо тебе. Побили они тебя ...

– Ну, побили ... подумаешь ... Ты, что, Гриш, ладно тебе. А что случилось-то? Что они к тебе пристали?

– Они у меня рубль просили ...

– А ты не дал? Ну, правильно. Я бы тоже не дал.

– Я-то не дал, но они все равно отобрали. Что я мог сделать? Они большие.

– Да, ладно. Мне мать тоже рубль дала. Да, что теперь говорить. Не пойдем же мы в кино такие грязные. Не чуешь? От нас не воняет ссаками? Гриш, понюхай.

– Да, иди ты, буду я тебя нюхать. Ладно, отмоемся. У меня дома никого нет. Хочешь ко мне пойдем сразу.

– Ага, пойдем. У меня же бабка. Сейчас как начнет: 'Валерик, Валерик ...'. Раскудахтается. Я слышал, как они тебя обзывали. Гады.

Валера был лучшим Гришиным другом, но они никогда с ним про 'евреев' не разговаривали, как-то этот сюжет не возникал. Однако после пережитого Гриша почувствовал необходимость на эту тему объясниться. Понимал ли Валера

'это самое' про друга? Может он не знал что Гриша ... , а вот сейчас узнает ...

– Валер, тут все правильно: они меня называли 'жидом', а это так и есть ... Я – жид, ну, ... еврей ... понимаешь?

Валерка молчал, то ли не знал, как реагировать, то ли переваривал информацию ... Сейчас от его ответа для Гриши многое зависело. Что он скажет – так у них всё и сложится, или не сложится.

– Я знаю, Гриша, что ты еврей, – наконец сказал Валера. Твоя фамилия Клибман ... так? Я что, дурак? Ну еврей ты, и что дальше? А 'жид' плохое слово, я знаю, я у папы спрашивал ...

ну ... про тебя. Я не позволю так тебя называть. Мы же друзья. Пусть кто-нибудь попробует. Они просто дураки ... нет не просто ... они – гады и суки. Ты как? Ухо-то как? Лучше?

После Валериных слов Грише стало легко и радостно на душе, он даже был рад, что их сегодня побили, что так все получилось. Валерка за него вступился, он тоже лежал на том обоссаном полу. Ничего, переживут. Главное они не сплеховали, одинаково поняли ситуацию и не ныли. Гриша знал, что если кто-нибудь обидит его друга, он тоже за него заступится, чего бы ему это не стоило. Хотя кто Валеру мог обидеть? Он же не еврей. Но к нему же в туалете пристали не потому что он еврей, а из-за рубля. Такое и с Валерой могло случиться. Правильно он все-таки сделал, что не сдался. Валерка его понял. Раньше он об этом не думал, а сейчас понял, что Валера ему настоящий друг, что ему повезло. Настроение стало хорошим, на кино наплевать, и на рубль тоже. И вот они сейчас пойдут к нему домой и ... все будет хорошо. Когда Гриша открывал дверь квартиры ключом, он вдруг вспомнил мерзкую рожу Васька, и жгучая злоба вновь затопила все его мысли, даже кулаки сжались. Вечером надо будет объясняться с мамой по поводу синяков и красного уха, но что все это стоило по сравнению с Валерой рядом и несколькими часами одиночества в квартире.

Решено было сначала помыться, а уже потом лезть в холодильник и искать что-нибудь поесть. Гриша открутил душ, задвинул занавесочку и предложил Валере идти первым:

– Давай, Валер. Вот тут мое полотенце возьмешь. Там мамин шампунь, только много не лей. Ладно? Я пойду посмотрю насчет поесть.

– Ага, давай. Я голодный, как волк. Давай ... мы с тобой поедим, и может еще в кино успеем. А не успеем ... да и ладно.

Гриша открывал дверцу холодильника, поставил разогреваться кастрюлю с борщом, нарезал хлеб. Он слышал, как в ванной лилась вода, представлял Валерку под душем. Он тоже сейчас встанет под горячую струю и наконец отмоется от 'ссак'. Вдруг он услышал Валеркин голос:

– Гринь, а ты где? Чего тебе ждать? Иди сюда. А то я спешу, а тут такая водичка приятная. Неохота выходить. Иди. Что нам с тобой места не хватит ...

Гриша с готовностью поспешил в ванную, где от горячей воды уже образовались легкие клубы пара, каплями оседающего на зеркале. Он быстро скинул с себя форму и белье и залез к Валерке под душ. Восхитительные струи полились по телу, хлестко разбрызгиваясь по сторонам, на кафельную стенку и на занавеску. Валеркино блестящее местами в мыльной пене тело было совсем близко. Валерка шутливо обхватил его руками и коснулся его бедра своей крепкой слегка торчащей пипиской. Валерка принялся орать песню про пионера-героя: 'Жил в Ростове Витя Черевичкин, в школе он отлично успевал ...'. Песня получалась здорово. Гриша даже и не знал, что у друга такой хороший слух, и что он оказывается любит петь. ' ... и в свободный час он, как обычно, голубей ленивых погонял ...' – выводил Валера мелодию, вкладывая в песню все свое радужное настроение. Он вертелся под душем, отфыркивался, набирал в рот воду и делал фонтанчик: 'Смотри, Гринь, я – кит' – радостно орал он.

Гриша тоже включился в веселье и баловство друга, он старался ему подпеть, они стали соревноваться, у кого получится фонтанчик длиннее ... но в то же время Гриша украдкой рассматривал Валеркино тело. Он видел друга голым в первый раз. Они были примерно одного роста, чуть выше среднего. Пару мальчиков в классе были выше их, остальные гораздо ниже. У Валеры были длинные крепкие ноги, костлявая спина, впалый живот. Гриша подумал, что ноги у него самого, пожалуй, не такие крепкие, но плечи пошире. Но самое главное были не

ноги и не плечи, Гришин взгляд, хотя он и пытался его отвести, упрямо упирался в Валеркину пиписку. Теперь она уже совершенно не выпирала, наоборот обвисла довольно длинным обрубок. 'А у меня как ...? Больше или меньше, чем у него? У него вроде больше ... зато у меня ... вроде толще ... я видел, когда залез к нему под душ, что у него немного 'стоит' ... почему так ... спросить ... неудобно ... стыдно ... а у кого я еще спрошу ... он же мой друг ...'. Ничего спросить Гриша не успел. Валера внезапно замолчал, а потом задал вертящийся на языке вопрос:

– Слушай, Гришка, а у тебя писюн 'стоит'?

Гриша уже совсем было собрался сказать 'как это ...?', но в последний миг не спросил. Что тут спрашивать, если он сразу прекрасно понял, о чем говорит Валера. Невозможно было тут придуриваться, строить из себя идиота:

– Да. Утром, когда я просыпаюсь. И у тебя?

– Ага, я немного жду и иду писать ... а потом проходит. Но, интересно, да?

– А днем бывает?

– Не знаю. Я не замечаю. А у тебя?

– У меня бывает ... ты хочешь я тебе покажу, что я делаю ...

Гриша вдруг увидел, что Валеркин член опять напрягся. Друг принялся катать его между двумя ладонями, ритмично пощипывать правой рукой кончик, капельку отодвигая вверх кожу. Завороженно смотря на действия друга, Гриша почувствовал, что ему тоже теперь есть на чем попробовать. Он стал делать так же, как Валера и понял, что это очень приятно. Просто приятно, ничего более. Удовольствие, подаренное другом, было ярким и он был Валерке за него благодарен.

– Во, видишь, Гриш, как ... здорово, да? Ты только матери по утрам не показывайся, а то она беситься начнет. Точно начнет ... лучше, чтобы она не видала.

– Да, нет, мать не узнает. Что я дурак? А правда, Валер, хорошо, что мы с тобой парни. Хорошо. Я бы не хотел быть девчонкой.

– Ну еще чего, девчонкой. Скажешь тоже. Ты за кончик, кончик подержись ... ну, что ты там возишься?

– Валер ... постой ... я почему-то не могу отодвинуть ... что-то там держит ... мне неприятно, даже больно ... а тебе нет?

– Ничего там не держит. Не сочиняй. Потяни осторожно, давай ... давай ... постепенно. Не бойся.

Гриша послушно потянул и почувствовал минутную острую боль. Кожный хоботок оттянулся вверх, обнажив нежную розоватую ткань головки. Потом у него сразу получилось все вернуть обратно. На секунду ему показалось, что у Валеры возникло поползновение ему 'помочь'. Мысль, что чужая рука его коснется была невыносима. Нет, только не это. Но Валера и не думал его трогать. Зря он испугался тогда. Все нормально, сегодняшний день был положительно важным в Гришиной жизни. Столько всего случилось. Под душем им стало жарко. Они вылезли, оделись и пошли на кухню, разговаривая уже совершенно о другом. В кино они так и не попали, а Валера ушел домой сразу, как родители вернулись с работы. С этого дня Гриша понял, что нет тем, которые он не мог бы обсуждать с другом. Если уж они про такое говорили ... Да, мало ли у него было вопросов, которые он никому не задавал. Какой, например, прок было разговаривать с родителями про 'евреев'. Что они могли ему ответить, они же

были внутри проблемы, да и забыли уже, как это быть единственным евреем среди всех русских. А вот Валера не был евреем, по-этому он ему честно скажет, что с евреями не так ... почему их не любят, и что надо делать ... Валера же ему уже сказал, что ему наплевать, еврей Гриша или нет. А про ... это ... утреннееИдиотом надо быть, чтобы маму об этом спросить. А он не идиот. А папу ... тоже нет, Гриша не мог говорить о таких глупостях с папой. Папа бы наверное стал его увещевать, что 'просто не надо об этом думать ... все хорошо'. А как не думать? Легко сказать. Интересно, у папы тоже так? Да он лучше себе язык откусит, чем спросит. Как все-таки хорошо, что у него был Валера.

Потом они росли, ходили вместе в бассейн Динамо, сто раз видели друг друга голыми и уже не имели острой потребности обсуждать друг с другом чистую физиологию. Зато они стали обсуждать девочек, причем довольно рано. Валерка теперь с гордостью показывал свой, как он говорил 'стояк', и ухмыляясь говорил, что он 'готов' ... вот сейчас бы девочку симпатичную. Гриша не спрашивал, разумеется, зачем. Он и так знал. Во дворе старшие ребята ему давно объяснили 'на пальцах' что и куда надо совать. Гриша сначала не поверил, обсудил 'нелепицу' с Валерой, и друг ему подтвердил, что, да, так и есть. Вот такими они тогда были продвинутыми теоретиками. Гриша улыбнулся, вспомнив себя и Валеру школьниками. Школу они оба вспоминали без отвращения.

Ни у него и у друга не было мучительного унижительного взросления, неуверенности в себе и комплексов. Тут их бог миловал. Мужчи́нами они стали 'без труда', без горьких потерь и душевной боли. В те времена далекой первой юности они оба были счастливы, горды собой, а главное они любили окружающий мир и себя в нем тоже очень любили.

Гриша валялся на диване весь во власти своих воспоминаний. Так, надо вставать ... разлегся и ничего не делаю ... Он был собою не доволен. Хотя, что ему делать он не знал, дел-то никаких не было. С дочерью и с другом он поговорил по телефону, кому еще тут звонить. Гришин мир в иммиграции довольно значительно сузился, но поскольку это произошло постепенно, то не было слишком заметно. Под 'ничего не делать' Гриша подразумевал писание книги. Надо было приниматься за работу и попробовать оживить в памяти такие живые ночные картинки из 'детектива' про убийство ребенка. Он открыл 'чистую' страницу и сразу увидел новенькое название крупным синим шрифтом 'Системная ошибка' ... больше на странице он ночью ничего не написал. С чего начать ... какая должна быть первая фраза ... инципит ... Теперь ночные точные мысли казались Грише размытыми, он все уже видел не совсем так, как ночью. Черт. Ничего не писалось. Надо подождать. Убийство ребенка-инвалида показалось пошлостью, да и нестыковки ... Гриша с досадой закрыл только что открытый документ. Не выходит? Это потому что он бездарен, вот и не выходит!

Чем-то полезным все равно следовало заняться и Гриша стал рыться в своих многочисленных файлах. Он искал силлабус 'летней школы' и нужные раздаточные материалы. Он долго возился, распечатывал тесты, проставлял новые даты в сетку силлабуса. 'Вот возня мышинная ... ' – думал Гриша, пытаясь сосредоточиться на старых дидактических материалах, по которым он раньше работал. 'А хули мне менять-то эту муть? И так сойдет'. Распечатанные странички Гриша сложил в папочку и сходил вниз за яблоком. Чем отмеривать длинный день? Вот к 'летней школе' подготовился. Можно ее еще на две с лишним недели выкинуть из головы. Накануне 'дня Д', он распечатает список записавшихся студентов и войдет в класс ... сейчас думать об этой автоматической деятельности для денег не стоило. Много чести. Гриша себя опять немного пожалел. Коллеги уже все будут в отпусках, многие подадутся в Европу, другие на пляж ... а он будет талдычить студентам элементарную грамматику и брезгливо отмывать от мела руки. Что ж ... иммиграция. Раньше-то он бы был скорее всего среди тех, кто в Европе. Да, ладно, неважно.

Гриша вдруг спохватился, что Маша перед отходом на работу дала ему кое-какие поручения: сходить в магазин со списком продуктов, начистить картошки и ... что-то еще ... что? Ах, да, сделать к ее приходу салат, а картошку поставить вариться, слава богу, что они ее здесь перестали чистить. Захотелось есть, причем что-нибудь нормальное русское. Салат из травы его совершенно не вдохновлял. Машка велела картошку сварить ... а если пожарить. Гриша уж совсем собрался это сделать, но представив Марусин недовольный вид и увещевания насчет 'вредности' жареной еды, раздумал. Черт с ним. По пустякам он с Маней никогда не спорил. Может ей казалось, что он ее слушается. Любопытно. М-да, слушается он ее, твою мать ... да пусть она так считает.

Гриша ехал за продуктами и думал о жене. Маша ... Ему всегда очень нравилось ее имя. Теща у него была еврейкой и его родители восприняли этот факт с энтузиазмом, хотя он всегда подчеркивал, что, мол, какая разница ... Ему казалось, что для него разницы не существует, а для родителей она была ... и это было немного стыдно. Маша объясняла, что ей дали, как она говорила, библейское имя. Ну да, библейское, особенно для католиков, уж они-то не перестают возиться с богородицей. Думать о Мане, как о деве Марии было смешно. Но имя действительно было классное. Разумеется на его библейскую суть Грише было наплевать, но зато сколько оно давало вариантов, каждый из которых Гриша в разных обстоятельствах использовал: Маша, Муся, Маня, Маруся, Мари ... это были их семейные заморочки, которых остальные не понимали, только может Валерка немножко. Для него Гришина жена была чаще всего Маша или Маруся. Так они ее между собой называли.

Жена была Гришиным институтским знакомством. Она училась курсом младше, тоже на романо-германском отделении ИнЯза. Они виделись в коридорах, но познакомились в студенческом театре. Ну, театр – это громко сказано, так ... крохотная группа фонетического кружка. Они занимались практической и теоретической фонетикой и совершенствовали свое произношение на классических текстах. Что-то профессорша с ними ставила, кажется, 'Мнимого больного' Мольера. Гриша играл больного, Аргона. Нудил, стонал, хватался за разные части тела, кашлял и сморкался. Маша была его ветреной женой ... и кажется принимала фонетический театр всерьез. Гриша репетициями тяготился, просто хотел отличную оценку, которую справедливо надеялся получить. Профессорша была молодая, модная и симпатичная, ему хотелось ей услужить, даже таким, как он сам иронично про себя думал 'извращенным' способом, изображая Аргона. Ему нужна была 'пятерка' по фонетике для повышенной стипендии. Валера его тогда расспрашивал о модной профессорше и делал грязные намеки. Только этого не хватало! А тут Маша. Какая она тогда была? Грише пришло в голову, что ему теперь трудно об этом судить. Внешне она показалась ему хорошенькой ... небольшого роста, со светлым пучком волос, из которого вечно вылезали шпильки. Неплохая фигурка, хотя может на Гришин вкус чуть более, чем полагалось, пухленькая, торчащая грудь, стройные ножки, всегда на каблуках. Маша – стильная девушка, модно одетая в короткое. При знакомстве Гриша по привычке примерил ее на себя в качестве жены. Он всех примерял. Диплом и распределение были не за горами и в мысли о женитьбе уже не было ничего смешного. Умом друзья понимали, что надо иметь семью и детей, так было принято, но ... но им хотелось 'гулять', а жить с одной женщиной представлялось пока трудным, а главное скучным.

Гриша помнил, что сталкиваясь с Машей на репетициях, и холодно оценивая ее стати, он видел ухоженную девочку из 'хорошей семьи', симпатичную, в 'теле', с большой грудью. Такие быстро 'бабеют' и грудь может после первого ребенка стать 'как у тёти Миси, по колёно сиси'. Опасно. Тогда ни он, ни Валера не понимали, что живут не с 'сисями', а с человеком. Потом жизненный опыт сделал это очевидным, а тогда у них была только наглая мужская уверенность, что им 'все можно', и слепая вера, что все 'будет хорошо', а иначе и быть не может. Ну почему они тогда думали о женщинах как о 'бабах'? Традиция тех 'нефеминистских' времен, или воз-

раст? 'Бабы' – это было собирательное понятие. С ними может быть в той или иной степени хорошо, но 'бабы' заменяемы по определению, а раз так, то ... 'гуляй, пока молодой ...'. Вот что у Гриши тогда было в башке. Ну, что ж .. Гриша себя тогдашнего понимал. Пел Высоцкий про 'руку друга и надежный крюк ...', это было про них с Валерой, а бабы ... могли они быть 'рукой друга и ... крюком?'. Нет, конечно. Бабы были 'бабы', а не друзья. Что тут непонятного. Такое даже обсуждать не стоило.

Грише внезапно подумал ... а сейчас ... изменил ли он свое мнение о женщинах? Можно ли дружить с женщиной? 'Нет, нельзя' – честно ответил себе Гриша. Можно общаться, изливать душу, жаловаться, или наоборот 'распускать хвост', но ... чувствовать себя с женщиной на равных Грише представилось невозможным. Дело тут было даже не в уме или интеллекте ... дело было в разности на ином, более тонком уровне. Ну, да ... все мы – люди, но мужчины и женщины такие разные. Она не может понять мужчину, она – другая. Она просто может сделать вид, что понимает ... И женщину с ее биологическими ощущениями, недомоганиями, гормональными срывами, чувствительностью, романтическими претензиями ... разве можно по-настоящему понять? Да, как бы не так! Мысль показалась Грише интересной, и как обычно, он решил ее обсудить с Валерой. Не забыть бы только ...

Мысли его снова обратились в прошлое: и вот у них премьера, весь курс согнали, даже явку проверяли, гардероб закрыли и не выдавали пальто. Никто, собственно, не удивился. После спектакля поехали к кому-то справлять бенефис. Там и Валера был. Гриша нажрался, и поехал провожать Машу. Валерка, сволочь, ему еще подмигнул. У Маши дома никого не оказалось, он зашел выпить кофе ... а дальше ... всё обычно, то-есть он 'так и знал'. Гриша помнил, что был пьяный и устал ... и зачем только пошел, дурак. Впрочем, все завертелось. Он лениво и отстраненно тогда отметил, что был у Маши первым. Его это немного удивило и он решил рассказать 'прикол' Валерке, у которого никаких 'целок', и в помине не было, вообще ни разу. Гриша помнил, что он тогда так о Маше и подумал ... целка, которую он 'слома', противно этим гордился, и еще собирался пошло хвастаться другу. Ну, что делать, он тогда таким был.

Маша заплакала, еще раз объясняла зачем-то, где ее родители, но Гриша прослушал. Ему-то что, где они были. Он отрубился, наутро Маша тихонько ходила по комнате, боясь его разбудить. Гриша ушел и его мучил вопрос, как ему дальше быть с этой приличной наивной девочкой? Как она после всего заплакала, а он ее спросил 'Что ты плачешь?', а она сказала 'сама не знаю'. Разве он ее обидел? Почему она плакала? Грише подумалось, что то, что было для него обычным и привычным, представлялось девчонке огромным, краем пропасти, началом или концом чего-то важного, решающего в ее жизни, которую он нарушил и наверное должен был нести за это ответственность. Ему тогда в первый раз это почему-то пришло в голову. Но Маша как-то плохо вписывалась в их с Валерой компанию. Бросить ее было жалко, не хотелось обижать. Гриша решил какое-то время побыть с Машей, а потом ... видно будет, он что-нибудь придумает. Больше всего на свете он боялся, что она начнет ему звонить, стараться выяснять отношения, плакать. Девушки, если перестать им звонить, часто себя так вели, почти всегда. Гриша поставил себе за правило никогда не вестись на их просьбы о 'последнем' свидании. Ему девок было с одной стороны жалко, но с другой, он их презирал за глупость и навязчивость. Разве непонятно, что он не звонит потому что не хочет, что их 'последнее' свидание уже было, что объяснения ничего не дадут, что не надо его загонять в угол, не надо заставлять его действительно им говорить, что ... все, он остыл, 'накушался', что больше ее не хочет, что у него теперь другая, или не другая, но это неважно, что она ему просто элементарно надоела ... он не хотел этого говорить девушке, она не заслуживала таких слов. С Гришиной точки зрения, делать ничего было не надо, надо было просто не доставать, достойно отойти. Зачем девуш-

кам всегда были нужны объяснения необъяснимого? Зачем они всегда плакали и спрашивали 'почему?' Да 'непочему'.

У него еще были свежи воспоминания о медичке Люсе. Неземная бесшабашная любовь, поездка в лагерь мединститута. Они там с Валерой просто замечательно отдохнули, развлеклись. И Люська в модном купальнике, с выгоревшей челкой, ночные купания. А потом осень. Люська почему-то решила, что он 'ее', что она имеет на него права. Он был занят, по несколько дней не звонил, а потом слышал в трубке ее недовольный голос, он должен был отчитываться 'где был, что делал, почему не звонил ...'. Ничего себе. Гриша стал звонить еще реже, не звонил даже, когда мог. Люся все еще была ему желанна, классная девчонка, он бы с ней еще долго встречался, приводил в компанию ... но она к сожалению начала садиться на голову, он был перед ней кругом виноват и с этим надо было кончать. Он ей так и сказал по телефону, что ... 'нам, надо друг от друга временно отдохнуть, так, мол, у всех бывает'. А потом ... Что тут началось! И 'давай встретимся, и что случилось, и знаменитое 'почему'. Люська стала звонить ему сама. И вот наступает тот самый последний раз, которого он так боялся.

Вот они сидят на лавочке в Александровском садике, золотая осень, поздний октябрь. Она ему что-то долго говорит, Гриша почти не слушает, и украдкой смотрит на часы. Ну, что за попытка! Она плачет, он ей дает носовой платок. До сих пор Гриша помнил, как она ему тогда горячечно повторяла 'я люблю тебя, я люблю тебя ...'. Как это было ужасно. Что он мог сделать? Неужели она не могла сдержаться? Она идет к метро, а он остается сидеть на этой проклятой лавке еще долго, облокотив голову о жесткую спинку. Нельзя этого допускать. Гриша охранял свой душевный покой, и каждый раз, закручивая неземную любовь, уныло думал о конце. Умение изящно расстаться с девушкой – это был высший пилотаж и этому стоило учиться.

Мало ли у него было замечательных романов, но ему и в голову не приходило принимать их за любовь. Он, кстати, никогда девушке и не говорил о любви. Зачем принимать желание за такие высокие чувства. Это было неправильно. Гриша знал, что девчонкам всегда приятно слышать о любви, он ждали его признаний ... но не получали. Редко кто не спрашивал 'а ты меня любишь?' Гриша уклонялся от ответа, но вопрос его раздражал и девушка, задавая его, начинала все для него портить. Любовь, любовь ... женщины были на этом помешаны. Любая девушка, которая интересовалась, любит ли он ее, начинала казаться жалкой и это было началом конца, который обязательно скоро наступал.

Гриша попытался вспомнить, а были ли девушки, которых он любил, но они бросали его? Были ... но разница между ним и большинством женщин как раз и была в том, что он рубил моментально, не был способен унижаться и выяснять отношения. Больше того, если он видел, что 'что-то не так', он предвосхищал события, избегал сцен. Да и объяснения ему были не нужны. Стал 'лишним', она его не ценит ... этого было достаточно. Неважно почему. Пару раз в его жизни были девушки, которые создавали в нём комплексы. Такие, оказывается, и у Валеры были. Он шел на свидание, которое заканчивалось перепихоном, который представлялся Грише совершенно замечательным, а потом ... всё ... как отрезало. Он чувствовал себя разохотившимся, на взводе, звонил ей, полностью уверенный, что она сидит и ждет его звонка, но девушка не подходила к телефону, потом брала трубку и плела какие-то небылицы, не слишком заботясь об их достоверности. В общем все ограничивалось одним разом. Она его использовала и выбрасывала, как мокрый презерватив. Почему? Не понравился? Не соответствовал? Что-то было не так? Но что? Она вела себя, как он мог бы себя вести, и это было невероятно неприятно, хотя ... попереживав несколько дней, Гриша о ней забывал, не желая верить, что он мог не понравиться. Не может быть. Там, скорее всего, было что-то другое ... и черт с ней. Может быть он не слишком мучался, так как ему тогда не приходило в голову, что он 'какой-то не такой ... вот его и не любят'. Комплексы пришли, только гораздо позже. Скорее всего он просто не любил тогда никого. Разве что Машу?

А тогда его страхи оказались напрасными. Маша не звонила. Странно. Гриша уже и сам не понимал, рад он был этому, или нет. С одной стороны он вроде сам хотел, чтобы не 'доставала', но с другой ... как же так? Она, что, его из головы выкинула? Ну как это? Ну, было такое с ним раньше, но ... Маша? Невероятно. Сам он тоже ей не звонил, хотя и понимал, что чем больше времени проходит, тем труднее будет 'вступить в ту же воду'. Недели через две он рассказал о своих сомнениях Валере:

– Валер, помнишь Машку?

– Какую Машку? Не помню. Из мединститута, с Пироговки, медсестру? Эту что ль?

– Да, нет. Та была Люся. Машку, с которой мы в спектакле играли. Мы с ней потом ушли ... помнишь?

– А ... ну помню. Симпатичная девочка. И что? Что там произошло? Ты же говорил, что она ... девочка, и что ты ... и что дальше? Не знаешь, как от нее отделаться? Так? Ну давай ее с Жекой познакомим. Хочешь? Помочь тебе соскочить?

– Нет, Валер, я её ни разу с тех пор не видел. Понимаешь?

– Нет, Гриш, не понимаю. Не хотел – вот и не видел. В чем проблема-то?

– Не знаю. Сам не знаю.

– Постой ... что-то ты не договариваешь. Она не хочет? ... Ты влюбился, так? Что ты мне сказать-то хочешь? Говори уже ...

– Она не звонит и я не звоню ... Что ты сразу 'влюбился'? Не знаю ...

– О ... это серьезно. Ладно, дурака не валяй. Позвони ей сейчас же ... наплети что-нибудь и давай ... вперед. Если не влюбился, сразу же поймешь ... а иначе не поймешь, будешь просто мучаться. Давай, Гриш, ты же не младенец ... Звони.

Обычно Гриша никогда этого не делал, а тут позвонил из первого же автомата, Маша была дома, голос у нее был спокойный, она не стала, как остальные спрашивать 'почему не звонил, куда пропал ...', хотя у Гриши был заготовлен ответ, он, мол ездил в поездку по Волге с французами по линии 'КМО, Комитета молодежных организаций' ... Нет, ложь не понадобилась. Через три месяца Гриша переехал к Маше жить. Родители ее оказались людьми современными, они приняли дочкиного 'бойфренда', хотя так еще почти никто не делал. Гриша прожил в Машинной семье около года и в конце пятого курса перед самым его распределением они поженились. Еще через год у них родилась Аллка. Про свадьбу и вспоминать-то было нечего. Много родственников, ребят из института, Валерка, сначала не отходящий от Гриши ни на шаг, потом куда-то резко смылся. Гриша даже не очень успел заметить с кем. Он тогда даже немного на друга обиделся. Получалось, что его свадьба стала для Валеры просто пьянкой, где он нашел новую подругу.

Интересно, как он сам тогда к Маруське относился? Любил? Вроде, да. Маруся была ему желанна, он ее хотел и они мастерски научились доставлять друг другу удовольствие. Она была умна, каким-то типично женским мудрым тонким умом. Это не был интеллект, эрудиция, широта, скорее интуитивное понимание того, как надо ... соблюдение неких правил, принципов и установок. Для создания семьи Марусин ум был достаточен, но ... Тогда Гриша и не задумывался ни про какое 'но'. Не видел он в их отношениях 'но', хотя были разные мелочи, которые его временами настораживали. Например, до женитьбы ему казалось, что когда у него появится жена, в его жизни все будет по-другому. Он создаст их особый семейный мир и остальной 'большой' мир перестанет его манить, ему некуда будет рваться, он удовлетворится своим счастьем вдвоем. Нет, этого не произошло. Ему было хорошо с Машей, они много времени проводили вместе, совершенно не напрягаясь, но ... вдруг ранним вечером, когда убрав тарелки после ужина, они усаживались смотреть телевизор рядом с Машинными родителями, у Гриши возни-

кало острое желание ... отвалить. Иногда звонил Валерка, приглашал их вдвоем с Машей куда-нибудь сорваться и приехать ... к друзьям, в ресторан, на просмотр фильма ... Один Гриша конечно бы поехал, а с Машей ... ему почему-то не так хотелось.

Они иногда ездили и Машины родители всегда им вслед говорили 'ну, куда же вы на ночь глядя ...'. Маша никогда его от поездки в бывшую компанию не отговаривала, но ... Гриша стал чаще отказываться, чем соглашаться. Ну, зачем ему куда-то ехать, если им хорошо дома. Лень на улицу выходить. Вот сейчас они посмотрят кино и лягут спать, а завтра ... завтра будет то же самое. Стабильность прекрасна, но ... опять это 'но'. На самом деле он прекрасно знал, почему он отказывается. Правда была в том, что в их компании у него, у Гриши Клибмана, был особый статус, бесшабашно-холостяцкий, а сейчас статус переменялся. Ребята знали его девушек, его выходы, выкрутасы и номера ... а теперь он приводил жену, пусть симпатичную, стройную, смешливую, неглупую ... но жену. Он не мог уже быть рядом с ребятами тем, кем был раньше. Там у них была разношерстная компания плейбоев, среди которых он был 'первым среди равных', а плейбой женатым не бывает. Гриша видел, что друзьям приходится в присутствии его жены играть какие-то роли, они за собой следили и не расслаблялись. Даже Валерка немного напрягался. И зачем это было надо?

Несколько раз Валера приходил к ним домой со своими девушками, но из этого тоже ничего хорошего не вышло. Трудно даже было сказать почему, хотя нет, и Гриша и Валера знали почему, только не захотели этого вслух друг перед другом признать: им по-настоящему хорошо было только вдвоем, или иногда с ребятами, своими. Другой близкий человек, каким, все всякого сомнения, была жена, им обоим был не нужен. Такой, пусть и родной, 'третий лишний' мешал. Однажды Валерка Грише даже об этом сказал: 'Ничего, Гринь, дай срок, вот я тоже женюсь, и мы будем дружить домами'. Такое вот типичное 'желаемое за действительное'. И тот и другой знали, что вряд ли так получится.

Гриша помнил, что у него тогда не проходило ощущение, что он странным образом по-прежнему свободен. 'А что такого ... мы взрослые люди ... если что ... разойдемся и все'. Ничто не предвещало в их жизни никакого 'если что', но Гриша не мог принять неизбежность своего положения, ему казалось, что все еще можно переиграть. И только, когда у них родилась Аллка, он вдруг понял, что 'ставки сделаны', от маленького ребенка он никогда и никуда не денется. Он и от Мани никуда не собирался 'деваться', хотя и играл с этой мыслью, но теперь занавес над его семейной жизнью опустился окончательно.

В те времена они с Валерой виделись нечасто. И тот и другой интенсивно занимались карьерой. К тому же у Валеры был невероятно бурный роман с парашютисткой. Он был ею заворожен и, когда изредка встречался с Гришей наедине, мог разговаривать только о своей Тане. Зацепила его тогда эта девушка.

Валера, новоиспеченный выпускник Физтеха, поехал по старой памяти на институтский вечер в Жуковский. Там они гуляли с ребятами-физиками, забрели на аэродром, смотрели авиашоу, какие-то показательные прыжки и ... Гриша позже 'видел' Валериными глазами его первую с Таней встречу, хотя и не присутствовал на ней. Ну, шоу – как шоу: сначала истребители, фигуры высшего пилотажа, подсвеченные шлейфы реактивных потоков из хвостов. Потом крохотные, отделяющиеся от машин фигурки парашютистов, зависание в воздухе, свободное парение, фигурки берутся за руки ... и наконец разноцветные пятна, раскрытых куполов парашютов. Валера увидел Таню в утепленном синтетическом костюме, перевязанную какими-то ремнями, из которых торчали крючки карабинов, в грубых высоких ботинках на шнуровке. Она только что приземлилась, парашют кто-то за нее где-то складывал. А еще она держала в руках шлем, с врезанными туда очками. Валера такие видел на картинках из Маршака. А тут девушка подошла к ребятам, кого-то она, вроде знала, и сказала, что она – Таня и да, конечно, она придет вечером в клуб на вечеринку. Вечером Таня приделась и уже ничем

не напоминала парашютистку, но шлем и ремни Валера запомнил и у него случился один из самых ярких романов его жизни, не закончившийся, правда, ничем. Хотя ... почему 'ничем', он закончился пустотой и болью.

Валера тогда совсем пропал, и все, что происходило Гриша узнал уже много позже. Они оба тогда только начали выходить из периода какого-то повышенного интереса к женщинам, гона, животных брачных танцев. Этот период начался у них относительно рано, сразу после школы, и даже еще в школе. Он заканчивался, приелся обоим, но все равно представлялся 'свободой' и даже сейчас Гриша испытывал ностальгию по их первой 'отвязанной' молодости, по их плейбойским победам.

Гриша услышал, как к гаражу подъехала Машина машина. Мысли его сразу переключились на их с женой обычную жизнь. Маша сходу начала обсуждать с ним

'какой бессовестный внук Антон, и он, Гриша бессовестный тоже'. Алла ей жаловалась, что папа заступался за Антона ... а он мальчика в школе ударил. Второй раз все это обсуждать Грише уж совсем было неинтересно. Он слабо отбивался, объясняя, что ничего такого не имел в виду, и что 'пусть они сами воспитывают своего ребенка, что он ни при чем'. Он вообще не мог понять, почему, обсуждая с ним Антошино поведение, Аллка была уверена, что он будет дудеть с ней в одну дуду. А чего бы он стал с ними соглашаться, если был несогласен? А Маруся? Ну зачем она с ним про это говорит? Что больше поговорить не о чем? Хотя ... о чем еще?

- Мань, помнишь Валеркину парашютистку?
- А при чем тут она? Какое это имеет отношение к драке Антона?
- Ладно, никакого. Это я так ...

Что это, право, на него нашло? Может дело тут в том, что ее мозг все время в настоящем, а его – в прошлом? Интересно, а о чем Маруся вспоминает? И вспоминает ли? Может он один такой? Мыслями в прошлом. Да, нет, это не так, не только в прошлом. Вот недавно Аллка с мужем и дочерью отдыхали в круизе на прекрасном теплоходе ... она была отдыхом не вполне довольна, и потом долго рассказывала почему. Что ей могло не понравиться на этом плавучем острове комфорта? Всем нравится, а ей нет? Он прекрасно понимал, что там у нее было не так. Да и Маруся, надо отдать ей должное, понимала. Гриша тоже когда-то плавал пару раз на таких фешенебельных круизных судах, но у него все было по-другому: он там работал переводчиком, руководителем различных туристических групп по линии КМО. Он был занят и его развлекали романы, ночные прогулки по палубе, ночи в красивых удобных каютах, а Аллка же была там с семьей. Дочь долго и страстно рассказывала о невозможности ни с кем общения, бесконечную озабоченность мужа спортивными занятиями, его непрерывные дневные сны. Она жаловалась, что там не с кем слова было сказать.

Он 'видел' эти разноязыкие развязные толпы невоспитанных туристов, желающих за свои деньги получить удовольствие по 'всей программе'. Шоу слишком примитивные, усредненно-безликие, как бы на любой вкус. Плоские вульгарные шутки, старые трюки, грубый, тупой гогот. Бесконечная озабоченность едой, разными ресторанами, жующие рты, невкусное и жирное изобилие, нелепо разодетые дядьки и жирно покрашенные тетки, все немолодые. Вечером можно либо дергаться на танц-поле, либо напиваться в баре. Понятное дело, днем люди прохаживаются по палубам, сидят в салонах, валяются на шезлонгах рядом с бассейнами. Они не против поговорить ... но этот их американский 'смол-ток', болтовня ни о чем. Ну зачем узнавать о чьих-то внуках или детях, о прошлых отпусках, об удачных поездках ... Более глубокие беседы не приняты, люди настолько не привыкли друг друга 'грузить', что уже и не в состоянии вести более осмысленные разговоры. Ни секунды нельзя побыть одному. Народ везде, и никто

не понижает голос, все орут, хорошо, если по-английски. Часто слышен визгливый агрессивный китайский ... Алла рассказывала про 'прекрасный' теплоход, а Гриша видел 'картинку', катал ее в своей голове, и прикидывал, куда ее можно будет встроить? Должно же у него что-нибудь происходить на таком теплоходе.

В такую раму можно вложить 'конец любви'. Мужчина и женщина расходятся, это их последний отпуск вместе. Они хотели по-человечески проститься, в последний раз пережить свою близость на полном романтики круизе: палубы, белые трубы, легкая летняя одежда гуляющих, развевающиеся по ветру шарфы и длинные вечерние платья, рестораны, музыка, а на горизонте черное небо, усыпанное звездами и за бортом черная вода и кипящий шлейф фарватера ... А вот и не вышло ничего ... Романтическая картинка сейчас же рассыпается ... Конец любви не может быть романтичным. Это боль, горечь, потеря, внутренние обиды, неудовлетворенность, пресыщение, комплексы ... И тут как раз и будет нужен этот Аллкин круиз, вся эта гадость, гвалт, вульгарность толпы и непонимание близкого человека, который не видит все так же, как ты ... А почему, правда, не начать писать любовный роман? А ничего, что их читают одни тетки? Не мужской это жанр, но ... может попробовать и посмотреть что выйдет. 'Картинки' из круиза прочно поместилась в одной из ячеек Гришиной памяти: распаренные парни в потных майках на баскетбольной площадке, пьяный дядька с кружкой пива, громко рассказывающий окружающим какую-то пошлую шутку, толстая нетрезвая девка, нелепо качающаяся бедрами на танцполе, лощенный повар с понтами выносящий блюдо с 'фирменными' ребрышками ... Он был уверен, что они когда-нибудь ему пригодятся. Не сейчас, так позже.

'Картинки' из жизни представляли для Гриши неизбывную ценность. Он замечал, что с некоторых пор практически любой обыденный эпизод делался для него 'картинкой'. И еще он был уверен, что для других так не было. Люди просто не видели повседневность так, как он.

Пора было ложиться спать. Муся его, одетая в простую ситцевую ночную рубашку с кружевами уютно устроилась рядом с книжкой. Она читала 'Женщины Лазаря' Марии Степновой и ей очень нравилось. 'Ты тоже должен прочесть, Гриш' – вот что она ему каждый вечер говорила, стремясь разделить с ним удовольствие. Гриша заранее знал, что книга эта не для него. Ему даже было легче вовсе ее не читать, чем прочитав, говорить Мане, что 'нет, не нравится'. Она в таких случаях злилась, да и вообще, неприятно говорить близкому человеку, что вам не по душе то, от чего он в восторге. Гриша, кстати, взглянул на этот текст. Степнова была молодец. Замечательный стиль, крепко сбитая композиция, убедительные характеры. Название, естественно, издательское ... Вовсе там не про того Лазаря библейского, и никакой особой экзотики. Семейная история, старый умный интеллигентный дядька, две его жены ... и внучка. Он мог понять, почему это интересно Мане, а ему ... нет. Плевать он хотел на эти нюни ... такие книги ни с чем для Гриши не ассоциировались, не заставляли думать. Да, там, собственно и 'вечных' вопросов не было. Там были истории, как на идише говорят 'майсы'. Бабы такое обожают. Гриша поймал себя на том, что давно забытое словечко 'бабы' опять всплыло в его мыслях. Вот почитал он недавно новую книгу Глуховского, антиутопию, безжалостную до жестокости, сильную, мощную прозу. Ему бы и в голову не пришло рекомендовать ее Мане. Они читали разное, и Гриша к этому давно привык. Да разве в разности их литературных вкусов было дело? Если ли все было так просто? Подспудно Гриша считал, что его вкус – хороший, а Маня любит всякую сопливую лажу. А что? Лажа, как ни странно, тоже бывает талантлива. Или не бывает? Гриша запутался.

В голову пришли их пересуды об Антошиной драке. А так ли он прав в своем упрямом агрессивном стиле поведения, вынесенном из другой эпохи, из другой ментальности? Это они с Валеркой были драчливы, утверждая себя 'альфа-самцами', правильно так было, нет? Здесь, видать, все по-другому, а он не догоняет новых норм. Надо ему просто быть скромнее, не лезть

со своими мнениями. Хотя, почему это не лезть? Если не лезть, то надо все время молчать. И все-таки у них с Валеркой все было интереснее и честнее.

Они тогда учились в пятом классе, и уже посещали секцию по самбо. В начале 70-ых они как раз начали открываться. Занимались с удовольствием, были уверены, что им это обязательно надо. Как говорится 'на бога надейся, а боксом занимайся'. Они с Валерой думали, что они сильные, сильнее всех, а когда на первое занятие пришли, то увидели, что в группе все такие. Валера попал тогда в большую неприятность. Хотя ... что школьное начальство могло ему сделать? Почти ничего, но тогда им казалось, что все ... выгонят из школы. Валере и детской комнатой милиции угрожали и колонией для несовершеннолетних. Да, не было бы этого ничего, но они, дураки, верили, и очень боялись. Там и драки-то не было, и самбо тоже не понадобилось, до него просто не дошло. И слава богу, иначе было бы еще хуже.

Был уже почти конец учебного года. Сразу после уроков, когда школа еще не успела опустеть, Валера шел в пионерскую комнату за барабаном. Все как раз готовились к линейке 19 Мая, а Валера с удовольствием заделался барабанщиком, такую дробь выстукивал на 'вынос знамени дружины'. Вожатая как раз собрала знаменную группу и они хотели репетировать. Репетиция обещала быть недолгой и Валера в столовую не пошел, решил потерпеть, но был жутко голодный. Он увидел группу из параллельного 5-А, они стояли у окна и что-то жевали, разложив на подоконнике коробку то ли с печеньем, то ли с маленькими пирожными, скорее всего доедая чье-то угощение по случаю Дня рождения. Валера подбежал и попросил дать ему 'откусить'. Ничего особенного, так было принято и он не сомневался, что знакомые ребята протянут ему кусочек ... И действительно Шемякин, которого все знали по кличке 'Мяка', любезно улыбаясь протянул Валере неплотно закрытую коробку. Валера открыл ее и увидел вместо печенья только пустые смятые бумажки. Вокруг загоготали: шутка удалась, Валера повелся ... смешно ... Шутку спонтанно придумал Мяка, небольшого роста, щуплый, смешливый и хитрый, он слыл 'приколистом', выступая в амплуа развлекателя публики, которым он дорожил. Мяка был способен осмеять что угодно и кого угодно, лишь бы вызвать смех окружающих.

Того, что произошло никто, конечно, не ожидал. Валера отшвырнул пустую коробку и без замаха, удара никто не заметил, ударил Мяку кулаком в подбородок, вложив в него всю силу. Мяка упал навзничь, ударившись головой о паркетный пол. Валера не рассчитал своего удара, не думал, что все случится так быстро, он еще планировал вдарить Мяке ногой в голень или локтем в корпус ... но ничего не понадобилось. Человека не полу бить тогда было не принято. Мяка подозрительно долго не вставал и не подавал никаких звуков. Валерка говорил, что суету вокруг лежащего Мяки он помнил плохо. Его больше занимала острая боль в большом пальце правой руки. Как потом оказалось, ему даже тренер объяснил, кулак он сложил неправильно, он выбил палец из суставной сумки, а мог бы и вовсе сломать. Короче: у Мяки было сотрясение мозга и Валера сломал ему челюсть. О, что тут началось! И родители, и специальный педсовет, куда пригласили Валеркину маму. Угрозы, отцу на работу письмо написали ... Друг был расстроен, испуган, но как Гриша понимал, вряд ли сожалел о том, что он сделал. В результате Валеру заставили просить у Мяки прощения, причем публично в классе. Валера, припертый к стенке, попросил. У него это даже как-то натурально вышло. Страсти улеглись. Мяка долго в школе не появлялся, а потом ненадолго появился и доходил до начала июня, когда всех распустили на каникулы. Говорить он не мог, только мычал. Челюсть его была сжата особыми скобками, сквозь которые он едва просовывал трубочку, через которую пил жидкие супы и сметану. Валера совершенно ни в чем не раскаивался и говорил Грише, что 'Мяке-гаду еще повезло, его теперь к доске не вызывают'. Потом все конечно забылось. Мимолетный эпизод их жизни, неизвестно почему сейчас вспомнившийся, наверное в связи с Антошей.

Гриша 'положил' эпизод с челюстью в память. А если написать рассказ на морально-этическую тему: бить или не бить? Как понятие гуманизма соотносится с понятием чести? Валера нанес свой удар, который получился слишком сильным, но он был взбешен глупой шуткой, которая его перед всеми унизила. Вот сказал бы он тем ребятам и Мяке 'что, мол, вы делаете ... как вам не стыдно ...' и что? Они бы еще больше смеялись, видели бы, что он расстроился и обиделся, ... и хорошо: шутка удалась! А так, Мяка запомнил на всю жизнь? Что он запомнил? Боль? Никаких он уроков не извлек. Нет, конечно. Он просто стал Валеру ненавидеть. Никогда он его не простил. Валера сыграл роль кающегося, а Мяка – прощающего. Какая фальшь. Мерзкий спектакль. И все-таки Гриша помнил, что ему было тогда Мяку жалко. Он представлял себя на его месте, свой ноющий неоткрывающийся рот, невозможность ничего сказать, жидкая пища, головные боли по ночам. Мяка неудачно пошутил, так что, убить его ...? А что? Что с ним сделать? Ничего? Подобные шутки – это был Мякин конек. Он заряжался от чужого унижения и глумливого смеха, который сам вызвал. Мяка был сволочью, но ... искалечить его? Так тоже было нельзя. Они говорили об этом с Валерой:

- Валер, а тебе Мяку не жалко
- Нет.
- Совсем? Он мучается. Слишком ты его сильно
- Ну, сильно получилось. Кто ж виноват, что он такой хлюпик. А еще лезет ...
- А если бы ты знал, что так получится, ты бы его ударил?
- Да, ударил бы. Я не мог его не ударить. Так со мной шутить нельзя. Пусть знает, гнида, ... и все знают ...
- Ты хочешь, чтобы тебя боялись?
- Нет, не надо, чтобы боялись, надо, чтобы уважали. Есть разница. Есть или нет?
- Есть, но ... ты мог бы его убить.
- Ну, не убил же. Хватит об этом. Что это ты, Гриня, такой добрый? Разнюнился ни с того ни с сего. Я тебя не понимаю. Что сволочь жалеть? Сволочь получила и хорошо. Мяка, он подлый и все об этом знают. Подлость должна быть наказана.

Гриша тоже был согласен, что подлость должна быть наказана, ему нечем было крыть. Валера, получается, был прав. Но ... что-то в этой его жестокой, но справедливой правоте было не то. Написать маленький рассказ про мальчишек и поставить этот вопрос. Вопрос, ответа на который Гриша не знал до сих пор. Как тут говорят: все можно решить миром? В большой политике есть дипломатия, правительства обязаны избегать войны любой ценой, но между двумя мальчишками? На кого уповать? На взрослых, на способность прощать, на способность к раскаянию? Вот например тогда: Мяка не понял, что его шутка была злой и унижительной, а Валерка просил прощения, но совершенно неискренне, только чтобы избежать неприятностей ... Что, пусть будет фальшь, лишь бы не было драки? Вот подошла бы учительница, пристыдила бы Мяку, он бы пробормотал извинения и все? Публичное оскорбление было бы смыто? Друг смирил бы свою гордость? Гриша не был в этом уверен. А Валерка? Что он сейчас думает? Столько лет прошло. Надо будет у него при случае спросить.

Впрочем они с Валерой еще много раз в жизни дрались, пацифизм в их компании не поведовался, негласно считался синонимом трусости. Не умели они воспринимать оскорбления философски, не получалось. Ярость застилала глаза, пальцы сжимались в кулаки, и моментально хотелось 'крови'. Нет, правда, интересная тема, но ее только с Валерой можно было обсудить.

Свет в спальне давно не горел, но сон к Грише не шел. Идея рассказа о мальчишеской драке не выходила у него из головы, а заснул он только с рассветом, за окном уже загоралось сероватое туманное утро.

Выходные прошли в суете. Ездили с Марусей по магазинам, вечером пошли к Аллке на первое в этом году барбекю. Все было отлично, кроме того, что Гриша очень мало выпил, и находился в состоянии неприятной недогуленности. Аллка не пила совсем, зять Коля с Машей пили красное вино, которого Гриша не любил. Ну, не то, чтобы не любил, но считал напитком несерьезным. Вино хорошо пилось под фрукты, сыр, крекеры. А сейчас была такая замечательная обильная еда, как они когда-то говорили 'закуска', что Грише стало обидно, что закуска пропадала. Коля родился в Америке, и про водку ничего не понимал. Водка у Аллы в доме была, и при желании ребята достали бы для папы бутылку, делая ему скидку, что папа, мол, русский, но Гриша привык 'гулять' в компании, а так получалось, что он пил бы один. От водки у него делалось замечательное приподнятое настроение, хотелось веселья, музыки, даже танцев, а так ... зачем такой 'взлет'? И петь не для кого, и танцевать не с кем.

В очередной раз Гриша почувствовал себя неадекватным. Как они с Валерой говорили 'сейчас бы нам с тобой туда, где расцвела сирень...'. Да, какая уж тут теперь 'сирень'. Он запросто мог бы принять грамм триста, но такая доза Колю буквально убила бы. Он всегда с удивлением смотрел, как Гриша наливает себе пятидесяти граммовую стопку и разом опрокидывает ее в себя. Пять-шесть стопок ... под чудесную жареную свинину с картошкой и салатами, а так ... Гриша тоже пил вино, они приканчивали на троих уже вторую бутылку, но как и следовало ожидать, у него не было 'ни в одном глазу'. То же мне ... в гости сходил! Вот они когда-то с Валерой ... Грише остро захотелось, чтобы друг сидел с ним сейчас за столом. Все было бы по-другому: настрой, атмосфера, беседа, степень вовлеченности в разговоры. Ему стало за себя стыдно: ну что ему еще надо? Семья, маленький внук, будет еще ребенок ... Любимые, дорогие ему люди, которым он нужен. 'Нет, ну я – мудака ... что мне не хватает ... Валера, Валера ... ну зачем мне сейчас Валера? А без Валеры совсем не можешь обойтись?' – Гриша молча занимался самобичеванием, хотя в глубине души он прекрасно знал, почему ему всегда не хватало Валеры. Только с Валерой он был до конца 'собой', а не играл роль благодушного, умного, продвинутого папы и нежного мужа ... Вот они разговаривают, Гриша как бы с ними, но разве об этом ему хочется поговорить? Не он направляет беседу за столом, а женщины. Все правильно, так и должно быть. А чего-то не хватает. Настоящего интереса не хватает. Ага, ну понятно, вот Аллка несет большую книжку с картинками про стадии беременности. Тычет в одну из картинок пальцем: зародыш 12 недель, у него уже ручки-ножки, у него сердце, у него мозг, он уже 4 сантиметра в длину. На хрена ему смотреть на зародыша? Нет, ну куда это годится? Увеличенная картинка ... и что? Восхищаться? Он смотрел, но даже минимального интереса закосить не получилось.

Вот с Валерой ... с ним даже молчать было хорошо, оба знали 'о чем они молчали', и почему в эти минуты не нужны слова. Так иногда было и с Маней. Для этого им надо было остаться вдвоем. Сейчас их было четверо, а рядом еще ребенок: три поколения, у всех разное ... Грише захотелось домой. Он засобирался, но сразу уйти не вышло. Маня хотела непременно дождаться чаю с тортом. Свое императивное желание идти домой Грише пришлось скрыть. Ну, что я в самом деле взбесился? Прямо ... немедленно ... выходите строиться! Пусть Маруська пьет свой чай. В последнее время Гриша вынужден был себе признаваться, что он ведет себя, как псих. Надо за собой следить.

В машине Маня опять завела про беременных, картинки с 'ручками-ножками' и ... опять вечная тема Аллкиного самочувствия. А вот, когда она сама была беременная, было то-то и то-то. Слушать эти подробности было скучно, но Гриша Машу не прерывал. Он и раньше об этом думал: то, что для женщин необыкновенно важно, то для мужчин – никак, и наоборот. Все эти Машины 'а ты помнишь, помнишь?' Да помнил он все. Хотя и не так, как Маше хотелось, 'неправильно' он помнил, без умиления. Как она тогда вообще залетела? Видимо, случайно. Вовсе он не собирался становиться папой, как-то не ощущал себя готовым. Понимал конечно,

что когда-нибудь, конечно ... просто 'когда-нибудь' наступило вот прямо сейчас. Он жил своей жизнью, секс для него совершенно не ассоциировался с детьми. Он любил свою жену, старался быть осторожным ... ну надо же! Машка не делилась с Гришей своими сомнениями, просто через какое-то время после пропуска, как она говорила 'менсов', он в такие вещи не вникал, она пошла к врачу. Вечером они легли спать и она ему новость объявила. От удивления Гриша онемел ... хотя что ж тут такого было удивительного: не убереглись. Бывает. Он молчал. Перед ним совсем близко было напряженное Машино лицо, с каким-то несмелым, выжидательным выражением, с застывшей напряженной улыбкой: она ждала его реакцию. Пауза затянулась чуть дольше, чем следовало. Бедная Машка. Какой же он был скотиной! Ей даже пришлось его спросить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.